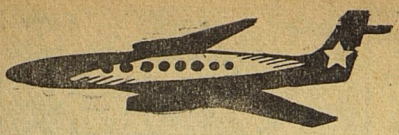
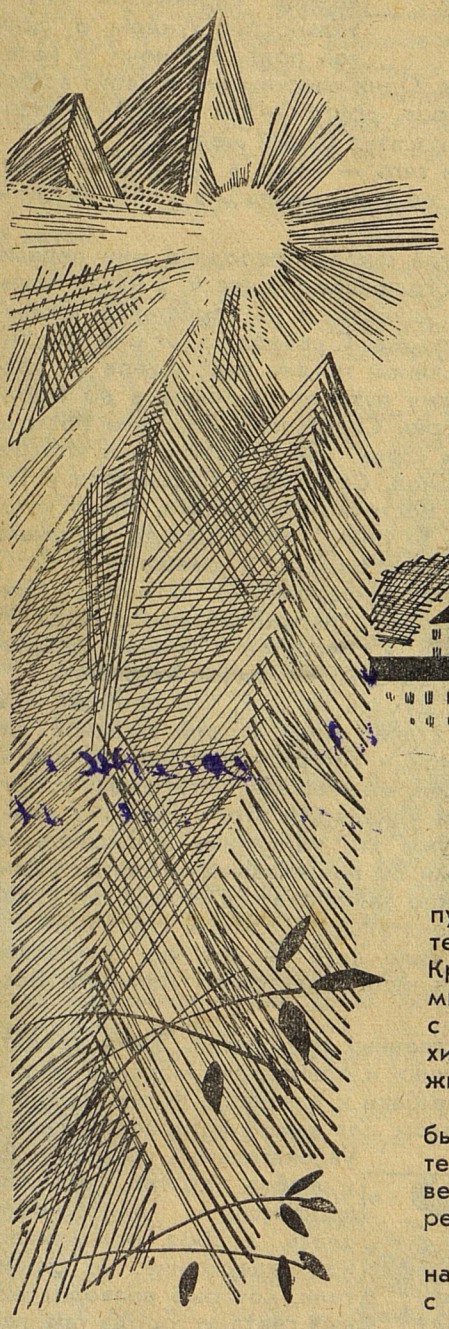
САРАТОВ 43.56
ЯБЛОЧКОВА 2
ДЕТСК. Б-КА ИМ. ПУШКИНА
21 1.12 ИСК. 6

9 Будильник

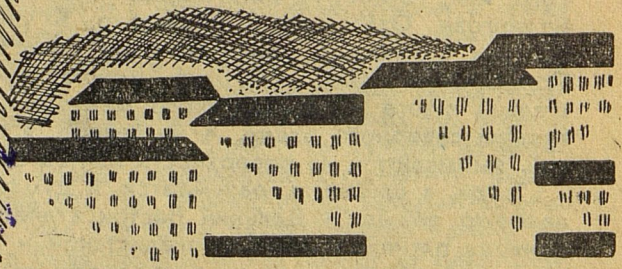
98И
50 Ж

№6
Искорка
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты «Ленинские искры» — орган Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ Ленинградского Совета пионерской организации имени В. И. Ленина
ИЮНЬ • 1968
год издания XII





Дальний и близкий



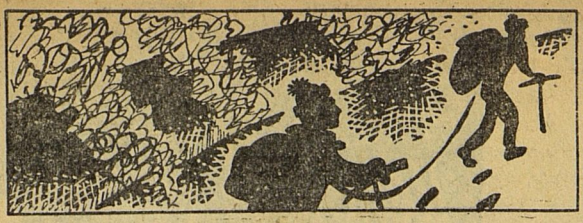
ЭТО было очень давно — больше тридцати лет назад. В Ленинград, в отпуск, приехал мой дядя, родной брат матери, служивший тогда в войсках Особой Краснознамённой Дальневосточной армии. Как-то дядя встретился у нас дома с товарищем отца, писателем Я. Л. Задыхиным, который тоже некоторое время жил и работал на Дальнем Востоке.

Моё мальчишеское воображение было потрясено. Что же это за удивительная страна, думал я, если два человека рассказывают о ней такие противоречивые, как мне казалось, вещи?

Один из них вспоминал о похожей на джунгли Уссурийской тайге, где рядом с привычной нам берёзкой растут гутта-

Рис. Ю. Бочкарёва

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА им. А. С. ПУШКИНА гор. Саратов



перчевое дерево — бересклет, дикий виноград, пробковое дерево, легендарный «корень жизни» — женьшень. Другой говорил о заснеженных просторах покрытой карликовой растительностью тундры, о долгой полярной ночи, о непередаваемой красоте северного сияния. Один рассказывал о своих встречах с отважными охотниками на тигров, другой — как полярную станцию, на которой он останавливался, посетил белый медведь.

Получалось, что белый медведь и тигр — тоже, в некотором роде, «земляки». Но это «открытие» никак не укладывалось в моём детском сознании.

Только несколько лет спустя, когда школа преподала мне первые уроки географии и научила читать географическую карту, я начал понимать, что такое Дальний Восток. Но удивляться не переставал. Оказалось, что это целая страна. И какая страна! С севера на юг она простирается более чем на четыре с половиной тысячи километров — расстояние, равное примерно воздушному пути от Ленинграда до африканской пустыни Сахары. На территории Советского Дальнего Востока могли бы разместиться десять таких стран, как Норвегия или Италия. Его берега омывают воды двух океанов, Северного Ледовитого и Тихого, или, точнее, их пяти морей — Восточно-Сибирского, Чукотского, Берингова, Охотского и Японского. Я узнал, что природа Дальнего Востока отличается удивительными сочетаниями. В смешанных лесах Приморского края, например, можно одновременно встретить пришельца с юга — гималайского медведя и перекочевавшего сюда из тундры северного оленя. А на севере, в соседстве с вечной мерзлотой, вырываются на поверхность из-под земли горячие источники...

Тогда, в школе, я, разумеется, и думать не мог, что пройдёт ещё какое-то время, и Дальний Восток станет моей второй родиной. Но и через пятнадцать лет журналистской и литературной работы здесь, связанной с бесчисленными разъездами, множеством интересных встреч и ярких впечатлений, я продолжал и удивляться этому дивному краю и восхищаться им. Только теперь уже это удивление и восхищение вызывали не красоты природы, какими бы неожиданными они ни были. К ним привыкаешь быстро. Ими можно залюбоваться иногда, но удивлять они перестают. Люди, их замечательные, просто сказочные по своему размаху и преобразующей силе делá — вот что составляет главную красоту и достопримечательность Советского Дальнего Востока.

Это край романтических и мужественных профессий. Здесь трудятся геологи и китобои, полярные лётчики и оленеводы, морские зверобои и учёные арктических станций, рыбаки и охотники. Жизнь каждого из них могла бы послужить материалом для самой интересной, самой увлекательной повести. Да и любая другая, обычная профессия приобретает здесь особое, романтическое содержание. И строители, которые возводят новые светлые города там, где совсем недавно шумела непроходимая тайга, и поле-

воды, выращивающие в зоне вечной мерзлоты рекордные урожаи картофеля или капусты, и горняки, которые добывают для Родины несметные богатства земли там, куда каких-нибудь сорок лет назад не ступала нога человека, — все они по праву могли бы называться разведчиками и первооткрывателями нового, неизведанного.

Я изъездил Дальний Восток вдоль и поперёк — на поезде и океанском лайнере, в самолёте и автомашине, на катере и тракторных санях-волокушах, на вертолёте и вездеходе, на оленьих нартах и в собачьей упряжке. И я не помню такого случая, чтобы шофёр отказал шофёру в помощи на дороге, чтобы гостеприимно не распахнулись двери любого жилища для уставшего путника, чтобы пурга или жестокий мороз помешали врачу выйти на помощь больному...

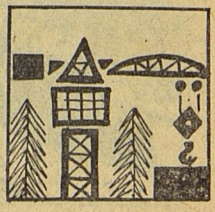
Это — славная традиция, и она отличает не только взрослых, но и детей.

Несколько лет назад группа ребят из районного центра Ола, что расположен на берегу Охотского моря, решила навестить таких же, как они, школьников из подшефного села. Ученики здесь жили в интернате, так как родители их, оленеводы и охотники, большее время года проводят в тундре.

Шефы приготовили подарки и решили идти в гости на лыжах. А от районного центра до этого села около двадцати километров. Шли ребята по снежной целине, по очереди пробивая лыжню, и, конечно, к концу пути изрядно устали. Правда, ветер в это время дул им в спину. Они уже заканчивали маршрут и с удовольствием думали о предстоящем отдыхе, когда их встретила оленья упряжка, специально посланная им навстречу. От каюра ребята случайно узнали, что один из мальчиков в интернате заболел и что врач в числе прочих своих предписаний порекомендовал больному в диету тёртое яблоко. Но в село, да и в район, в том году яблок ещё не завозили. И тогда один из мальчиков-шефов молча повернул назад. Оказывается, отец-лётчик привёз ему накануне из Магадана два или три яблока. И он, усталый, проголодавшийся, пошёл обратно, уже навстречу ветру, чтобы помочь не знакомому ему, попавшему в беду парнишке. Но пошёл не один. Ещё двое ребят из их группы пошли с ним, чтобы не отпускать товарища одного в надвигающиеся сумерки, в начинающую задувать позёмку.

В село ребята вернулись только на следующий день, когда праздник встречи шефов со своими друзьями в интернате уже закончился. Но всё равно он был уже озарен особым теплом и светом настоящей, готовой выдержать любые испытания человеческой дружбы.

Другой случай произошёл на Чукотке, у берегов Ледовитого океана. Двух мальчиков, чукчу Колю Энмынкау и русского Васю Петренко, увлёкшихся рыбной ловлей, унесло на отколовшейся льдине в открытое море. Пытаясь перепрыгнуть с льдины на льдину, Вася поскользнулся, сильно повредил себе ногу и сорвался в воду. Коля Энмынкау с трудом вытащил его из воды и, видя, что товарищ не может двигаться, переодел Васю в свою сухую меховую одежду, а сам надел на себя Васину, мокрую.



К счастью, вскоре подоспел вертолёт и снял мальчиков с льдины. Коля отделался воспалением лёгких. Когда его, уже в больнице, спросили, почему он так поступил, Коля даже удивился вопросу.

— А как же иначе? — сказал он. — Я мог прыгать и бегать на месте, чтобы согреться, а Вася вывихнул ногу и мог замерзнуть в мокрой одежде...

Таких примеров можно было бы привести множество. Да это и понятно. Ребята в рассказанных случаях следовали примеру старших, которые без такой вот дружбы, без постоянной готовности прийти на помощь друг другу никогда не смогли бы преобразовать необжитую и полудикую окраину, какой был Дальний Восток, в край могучей индустрии, передового сельского хозяйства и высокой культуры.

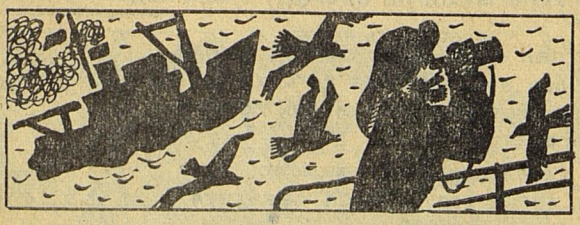
Поставленные на службу народу богатства Дальнего Востока неисчислимы. В недрах его добываются золото и нефть, уголь и ртуть, вольфрам, олово, молибден, железо, графит, свинец и разнообразные строительные материалы. Леса Дальнего Востока поставляют народному хозяйству ценные породы древесины, а рыбаки добывают более четверти улова всей страны. На мировом рынке пользуется успехом дальневосточная пушнина. Широкое развитие получили машиностроительная и горная промышленность, чёрная и цветная металлургия, судостроение и энергетика.

Ведущей отраслью сельского хозяйства на севере Дальнего Востока является оленеводство. Колхозное и совхозное стадо оленей здесь самое крупное не только в стране, но и во всём мире. Только в Магаданской области число оленей приближается к миллиону. Оленеводство является поставщиком сырья для кожевенной промышленности и для пошива необходимой на Севере меховой одежды и обуви, мясо оленя вкусно и питательно.

На юге Дальнего Востока развито садоводство, возделываются рис и соя, а овощеводство шагнуло далеко на северо-восток и подступило к самому Полярному кругу.

Без преувеличения можно сказать, что в этом бурном развитии края приняли участие вся страна, весь советский народ. Мало заселённые в прошлом районы Дальнего Востока никогда не смогли бы справиться с такой задачей. Показательна в этом отношении та помощь, какую всегда оказывал и оказывает развитию Дальнего Северо-Востока страны наш родной Ленинград. Своих питомцев посылал сюда на разведку ещё в конце двадцатых — начале тридцатых годов Ленинградский горный институт. Над проектами северных городов и посёлков немало потрудились ленинградские проектировщики. Кузницей национальных кадров народов Северо-Востока стал Ленинградский педагогический институт имени Герцена. Немало ленинградцев трудятся там и ныне — на стройках и горных предприятиях, в учреждениях культуры и исследовательских институтах. Не случайно один из золотых приисков на далёкой Чукотке носит славное имя — «Ленинградский».

Особенно большая заслуга в освоении Дальнего Востока принадлежит замечательной советской молодежи, комсомольцам, каждый раз с большим энтузиазмом отзывающимся на призывы партии двинуться на передний край коммунистического строительства. Этот вклад молодых патриотов тоже нашёл яркое отражение на географической карте Даль-



него Востока. Названия города Комсомольска-на-Амуре посёлка Комсомолец на Колыме, прииска «Комсомольский» и колхоза «Комсомолец» на Чукотке говорят сами за себя.

Давно стали ветеранами первые посланцы комсомола, воздвигнувшие Комсомольск-на-Амуре — ныне один из крупнейших промышленных центров Дальнего Востока и один из наиболее благоустроенных здесь городов. С тех пор новые и новые поколения строителей, приехавшие сюда со всех концов страны, строили на этой бывшей глухой окраине России новые города — Биробиджан, Облучье, Бикин, Арсеньев, Иман, Находку, Магадан, Оху, Куйбышевку-Восточную, Райчихинск, Лесозаводск, Солнечный, Анадырь, Сусуман, Певек. От Арктики до дальневосточных субтропиков выросло много десятков посёлков городского типа. И наступление на тайгу и тундру продолжается. Сегодня развитие края приобрело уже такой размах, что стало необходимым позаботиться о дальнейшем его вооружении дешёвой и обильной электроэнергией. И вот в Чукотском Заполярье уже растут корпуса первой здесь атомной электростанции и ведутся изыскания на будущей стройплощадке Колымской ГЭС...

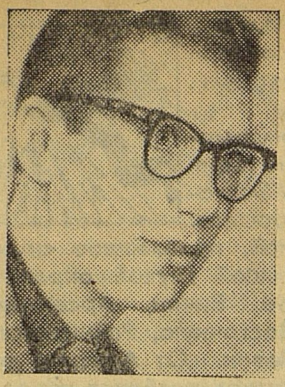
Когда Дальневосточная народно-революционная армия и красные партизаны вышвырнули с Дальнего Востока белогвардейцев и интервентов, Владимир Ильич Ленин, отмечая эту замечательную победу, написал: «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский». Нашенский! Это ленинское определение в полной мере относится ко всему Дальнему Востоку, и этим определяется отношение к нему, забота всего советского народа, партии, государства о его развитии.

Когда-то и правда очень дальним казался для жителя центральных районов страны Дальний Восток. Представить только — тысячи километров, многие дни, даже недели пути. Самому́ солнцу нужны часы и часы, чтобы, взойдя у берегов Тихого океана, преодолеть это гигантское расстояние до Москвы или Ленинграда. Когда кремлёвские куранты бьют полночь, в Хабаровске — уже семь, в Магадане — восемь, а в Анадыре — десять часов утра следующего дня.

Теперь он стал намного ближе, наш Дальний Восток. И не только потому, что все мы принимаем близко к сердцу его дела и заботы. И не потому только, что он давно уже превращён волей и усилиями народа из окраинного захолустья в цветущий край. А и потому, что сократились в наше время расстояния. Воздушные корабли уже за несколько часов доставят вас в Хабаровск, а оттуда — в любую точку Дальнего Востока. И уже смотрят его жители передачи московского телевидения и, как с соседями по дому, могут говорить по телефону с Москвой и Ленинградом, с Киевом и Минском, с Тбилиси и Ригой, с любым городом нашей страны. И новые кинофильмы на широких экранах идут здесь часто раньше, чем в столичных кинотеатрах.

И в этом тоже — проявление великой заботы народа о том, чтобы и дальше развивался и цвёл такой далёкий и близкий «нашенский» Дальний Восток.

Борис НЕКРАСОВ



ОЧЕНЬ интересной школе учился Роальд Добровенский. Он жил в Москве и пел в хоре мальчиков под управлением Свешникова. В нем же и учился.

А когда он вырос, и мальчику пришла пора стать солдатом, военная служба привела его на Дальний Восток. С тех пор Р. Добровенский — дальневосточник. Здесь он работал корреспондентом в газете «Суворовский натиск», потом он — журналист на Сахалине, сотрудник Хабаровской студии телевидения.

Стихи Роальда Добровенского чаще всего весёлые, добрые, светлые. Не случайно поэтому и книжки его называются: «Здравствуйте, ровесники», «Солнечные часы». Для детей он написал сборник стихов «Весёлый зверинец» и сказку «За скрипичным ключом».

Роальд ДОБРОВЕНСКИЙ

Лукошко

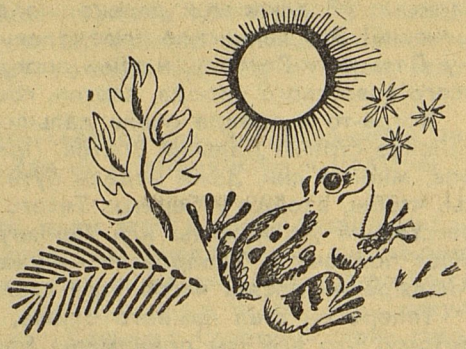
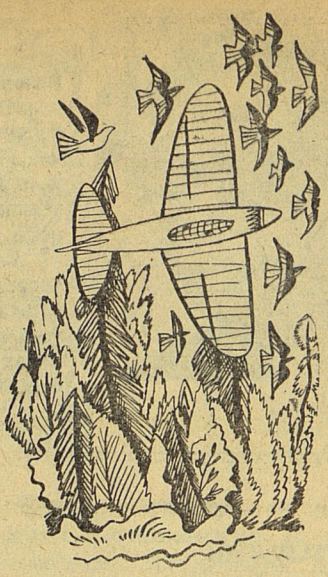


Рис. Г. Ясинского

Недавно я ходил в тайгу,
А там река бурлила.
И я сидел на берегу,
Пока охота было.
Я пел, когда хотелось петь.
Я шёл тропой лесною,
И каждый заяц и медведь
Здоровался со мною.
Прошёл я множество дорог,
Сто раз согрелся и продрог,
Все силы я истратил.
Зато в тайге один цветок
Кивнул мне, как приятель.
И вот я прихожу домой,
А солнце бьёт в окошко.
На стол
На письменный
На мой
Я вытряхнул лукошко.
Чего там только не было!
Кишмиш, лимонник, виноград,
Дождинки, радуга и град,
И песня чёрного дрозда,
С луны упавшая звезда,
Пушинки из хвоста лисы,
Две чашки утренней росы,
Смола и шишки с кедра,
И целый ворох ветра,
Лягушка из болотца,
Эхо из колодца,
Орехи, голубичный сок,
Сорока, воробей.
А как вошло в лукошко всё —
Не знаю, хоть убей!

Самолётная сказка



В таёжном посёлке,
за синим бугром,
Был маленький-маленький
аэродром.
И, если лесное преданье не врёт,
Там маленький-маленький
жил самолёт.
Был тот самолётик отважен и смел,
Вот только
летать он ещё не умел.
Часами смотрел он туда, в высоту,
Где птицы свистят и поют на лету.
Вздыхал и грустил самолёт
без конца.
И птицы сказали:
— Поучим птенца! —
Сто со́рок сороко́в, зимородков,
синиц,
Сейчас же стремительно ринулись
вниз.
Свистя и сверкая на солнце пером,
Обрушились птицы на аэродром.
И все, до последнего воробья,
Кричат самолётику:
— Делай как я! —
Напрягся малыш изо всех своих
сил,
Привстал на коротеньких ножках-
шасси,
Чуть-чуть разбежался,
подпрыгнуть хотел,
И вдруг —
полетел,
полетел,
полетел!

Ты думаешь,
так не взлетит самолёт?
Ты скажешь,
для этого нужен пилот?
Поверь мне, я выдумал это не сам.
Об этом щебечут птенцы по
лесам.
И весть
воробей мой знакомый
принёс,
Что тот самолётик
заметно подрос.
В таёжном посёлке,
за синим бугром,
Садится он часто на аэродром.
Его очень любят мои земляки —
Геологи, сплавщики и лесники.

Не трогайте тигров

Дети, живущие в тёплых
квартирах!
Если вы
вдруг попадёте в лес,
Можете петь и скакать до небес.
Только прошу вас:
не трогайте тигров!
Договорились?
Вы умные люди,
Знаете буквы, названия звёзд.
Вы-то поймёте, что тигры не любят,
Если их грубо таскают за хвост.
Не заплетайте тигрице косицы —
Это невежливо!
И, говорят,
Будет тигрица
ужасно сердиться,
Если садиться верхом на тигрят.

ТРУДНЫМ было детство поэта и писателя Бориса Петровича Копалыгина. Маленьким мальчишкой оказался он в детском доме, в нём провёл трудные годы войны. В ряде своих стихов он вспоминает о тех далёких, тяжёлых временах, но чаще его стихи, книжки для ребят — это весёлые истории. То это приключения неряхи, то удивительные краски, то просто ребячьи дела, разговоры, игры.

Свой Дальний Восток Борис Копалыгин знает хорошо и любит крепко. Работая корреспондентом «Литературной газеты», он много ездил по Приморью, побывал даже на караване замёрзших во льдах судов. Об этом он и рассказывает в своём очерке.

Б. КОПАЛЫГИН

Белорусский моряк, японский веер и сахалинские мальчишки

К каравану судов, затёртому льдами в Сахалинском заливе, можно было попасть только вертолётом. Я сидел в маленьком городке Оха и ждал этого счастливого случая: вот распогодится, прилетит вертолёт и заберёт меня туда, к зазимовавшим во льдах кораблям, к зимующим на них людям. Очень мне хотелось познакомиться с ними.

Наконец МИ-1 прилетел. А вместе с ним — Володя Зюзькевич, один из зимовщиков. Что-то ему нужно было на берегу для каравана. Был это молодой моряк, двадцати двух лет, родом из Белоруссии. Выглаженная форменная куртка сидела на нём с какой-то подчёркнутой аккуратностью, рубашка просто сверкала свежестью и белизной. И такою же светлой была у него широкая улыбка, чуть прищуренные со смешинкой глаза.

Вполне понятно, что я забросал Володю вопросами: «Где? Когда? Как? Почему?».

А Володя, узнав, что я литератор, обрушил, в свою очередь, уйму вопросов на меня: «Какие вышли новые книжки? О чём пишут журналы? Над чем работает Шолохов?».

Так мы и беседовали: я его о караване, а он меня о литературе. О кораблях я узнал немного. Зато о Володе!..

Прежде всего я понял, что Шолохов его любимый писатель. А любимый герой — Макар Нагульнов. Володя его даже называл както по-ласковому: Макарушка. И, конечно, стремился ему во всем подражать. Даже в мечте Макара о мировой революции!..

Уже позже я узнал, как Володя «агитировал» японских полицейских.

Хотя Володя и молод, но успел уже побывать в десяти разных странах. И нигде не упускает он ни малейшей возможности рассказывать иностранцам о своей стране, о наших людях. Объясняет, доказывает, спорит.

Однажды его слушателями оказались два японских полицейских. Володя долго и увлечённо рассказывал им о своей Родине, о далёкой Белоруссии. Потом решил проверить, как усвоили «политзанятие» его собеседники.

— Наши космонавты и спутники хорошо? — спрашивает Володя.

— Халасё! — кивают полицейские.

— А русский лес хорошо?

— О, — поднимают глаза к небу японцы. — Халасё! Очень халасё!

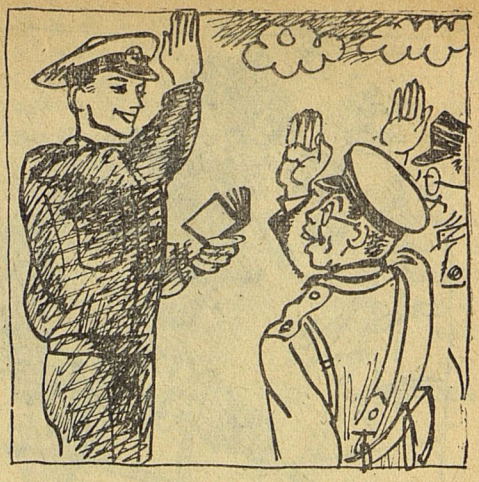
— А советская нефть?

— Халасё! — кивают полицейские, широко улыбаясь.

Понравился Володе этот быстрый политический рост слушателей. За столь высокую сознательность он даже прицепил каждому из них по пионерскому значку. Хотел было сначала комсомольские значки подарить, да решил, что до комсомола японцы, пожалуй, ещё не дозрели.

А те заинтересовались: что означают эти значки? Володя объяснил. Затем рассказал, когда и как надо отдавать пионерский салют. И тут же снова проверил:

— Будь готов!

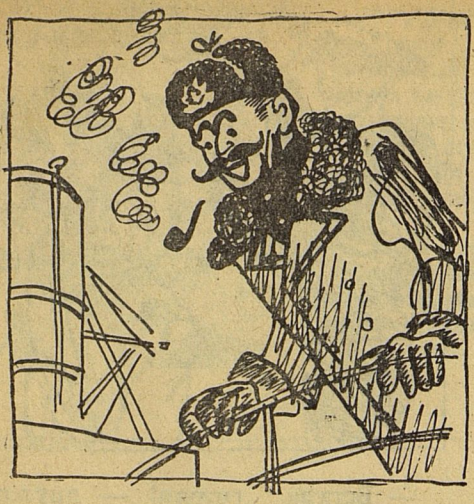


— Всегда готови! — дружно гаркнули полицейские и отдали комсомольцу Владимиру Зюзькевичу пионерский салют.

Удивительным человеком оказался Володя. Весёлым, работящим, добрым.

В его каюте мне бросился в глаза роскошный цветной веер, висевший над Володиной койкой. Конечно, я поинтересовался, зачем ему здесь, среди ледяных торосов, веер. Оказалось вот что: Володино судно «Лазарев» должно было идти в Индию, Зюзькевич настроился на сорокаградусную жару — вот и запасся в Японии роскошным веером. А попал-то в сорокаградусный мороз!..

Ну я уж такого случая не пропустил! Попросили меня моряки



стихи почитать, собрались все в кают-компании «Лазарева». Прочитал я одно стихотворение, второе... А потом, не объявляя названия, читаю:

Ехал в Индию моряк
И купил он веер.
А попал моряк-чудак
С веером на север.
Здесь пурга чудит опять,
Лёд — не маленький!
Как бы веер поменять
Мне на валенки?..

С тех пор Володин веер стал знаменитым на весь караван. Зюзькевичу из-за него просто проходу не стало. И однажды прихожу я на «Лазарев», вижу: исчез веер из Володиной каюты!..

А произошла вот какая история.

Вышел утром на полубу главный капитан каравана Юрий Петрович Сарвут и видит: у борта корабля два мальчугана стоят.

— Вы как сюда попали? На вертолёте?

— Нет.

— На вездеходе, что ли?

— Нет.

— А как же сюда ещё добраться можно?

— Мы, дяденька, пешком...

Капитан так и ахнул. Ледокол «Москва» сюда не смог пробиться. В сугробах застревают даже военные вездеходы, что везут караванy горючее и продукты. А они — пешком! Двадцать с лишним километров по таким торосам! Ну и ну!

— Да зачем вы сюда пришли-то?

— А мы, дяденька, в газете прочитали, что вам нужны продукты. Мы и принесли.—Один из мальчишек поднял в руке набитую чем-то наволочку.— Вот возьмите.

— Что это?

— Пшёнка.

Мальчишки осмотрели судно, убедились, что над ним развевается алый флаг, что льды не покорёжили ни перо руля, ни лопасти винта, и засобирались назад.

— Нам, дяденька, надо в школу не опоздать.

Юрий Петрович спрашивает:

— А что у вас сегодня в школе? Пение?

— Да.

— И арифметика?

— А как вы угадали?

Подумал, подумал капитан и не отпустил ребят: замёрзнут ещё по дороге. Вдруг метель? Был ведь случай: один зимовщик насмерть замёрз в торосах. Оставил капитан Серёжу Акименко и Витю Сорокина на судне до утра. Побеспокоился о том, чтобы не волно-

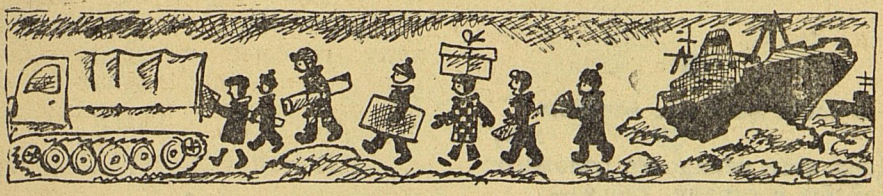
вались мамаши, дал им радиограммы. А утром отправил мальчишек домой на вертолёте.

Вот у них радости-то было! Правда, и в школе, и дома мальчишкам влетело.

— Храбрецы нашлись! Они хотят побывать на караване, а мы что, не хотим?

Было решено, что к морякам поедут на вездеходе только те пионеры, кто лучше всех учится. Через несколько дней учителя не узнавали лодырей, прогульщиков и двоечников — стали учиться только на пять и четыре! Успеваемость стремительно подскочила во всех классах. Наконец, лучших учеников послали на караван в гости. Когда ребята прибыли туда, все корабли приветствовали их гудками. На прощанье моряки подарили каждому школьнику подарок, даже не пожалели морской бинокль. А Володя Зюзькевич в память о затёртых льдами кораблях, о сахалинских торосах и метелях преподнёс ребятам свой роскошный веер!

Нашёл-таки предлог избавиться от него!



В. МОРОЗОВ

Жук-усач

Шёл я тропкою лесною,
Слышу — голос над сосною:
«Скрипи-скрипи-скрипи-скрип!»
Жук-усач к сосне прилип.
Угадал на ствол липучий
И увяз в смоле тягучей.
Смерть приходит к усачу.
Я бы спас, да не хочу.
Больно он деревья любит.
Точит-точит — сосны губит.

На катке

Синий шарфик,
Синий лёд,
Синий сверху небосвод.
Обгоняя синий ветер,
Синей птицею лечу.
Оттолкнусь — и в синий вечер
К синим звёздам улечу.

Людмила МИЛАНИЧ — коренная дальневосточница: родилась и училась в Хабаровске, став журналисткой, работала в газетах Чегдомына, Хабаровска, на радио на Сахалине.

Первая её книжка «Радуга» была небольшой. В недалёком будущем появится более солидная книга её стихов.

Людмила МИЛАНИЧ

●

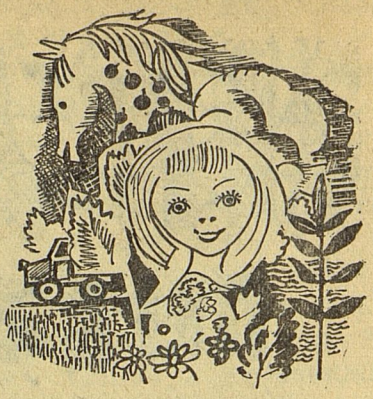
Я в гости всех вас вечером
зову —
Дела хоть ненадолго отложите:
Пойдём в страну, где я —
законный житель,
Где чудеса бывают наяву.
Услышим мы, как тихие цветы
Цветными вдруг зашепчутся
стихами.
И как Земля усталая, вздыхая,
С любым из нас заговорит на
«ты».
Услышим мы, о чём поёт трава,
Как в дереве живое сердце
бьётся,
И что-то в нас, наверно,
отзовётся,
И вспомнятся заветные слова.
И ночь нас щедро одарит добром:
Мы станем непридуманней и
чище —
Вот так приходит в сказку
робкий нищий
И под конец становится царём.

Рис. В. Адаева.

●

Уходят годы, словно пароходы,
Которые ты загружаешь сам.
Уже матросы поднимают сходни,
Уже гудок играет на басах.
И ничего не вынести из трюмов,
А можно только молча вслед
смотреть,
И остаёмся мы на пирсах думать,
Взрослеть и думать, думать
и взрослеть.

Удивляйся, девочка моя:
Лошадям неведомого цвета,
И тому, что вновь приходит лето,
И что реки движутся в моря,
Что трамваи бегают
по рельсам,
А машины прямо по земле —
И тому, что валенки — к зиме...
Это всё ужасно интересно.
Будешь ты, как водится,
расти,
И ума, конечно, набираться.
Только, знаешь, счастье
удивляться
Ты с собой из детства прихвати!



А у меня есть дом ручной,
Как слон, большой и добрый-
добрый.
Он просто притворился домом,
Доверив тайну мне одной.
И с той поры по вечерам,
Едва трава в росе намокнет,
Он тихо открывает окна,
И мы уходим с ним к горам.
И удивляется тайга,
Увидевши такого зверя,
Но, преисполнившись доверья,
Опять вступает в берега.
Так до утра мы бродим с ним,
Покуда не проснутся птицы.
А людям в доме счастье снится,
И, значит, мы не зря не спим.

Геннадий ГОЛЫШЕВ

Первая охота

Солнце, оттепель...
Стает снег.
И в бору вековом,
как встарь,
Над кустом можжевеловым,
по весне
Заколдует седой глухарь.

В. ХОЛОСТОВ

На исходе марта холода спали, и по увалам, на крутых боках оврагов густо запарила земля. В затишных местах, словно живой, заструился воздух, разнося пряные запахи гнилых пней и старых, почерневших валежин. Пронзительнее и светлее стало в берёзовых рощах, усеянных пушистыми серёжками. Продутая ветрами тайга сбросила с ветвей снежное крошево и наполнилась звоном кочующих гаичек, чечёток и свиристелей.

Набрякшие влагой моховые болота вспыхнули зелёным луговым палом, и в чёрных окнах озёр закачались на волнах франтоватые селезни и казарки. Упорные речки скинули наконец белые, надоевшие зимние меха и теперь умиротворённо журчали в жёлтых песчаных берегах.

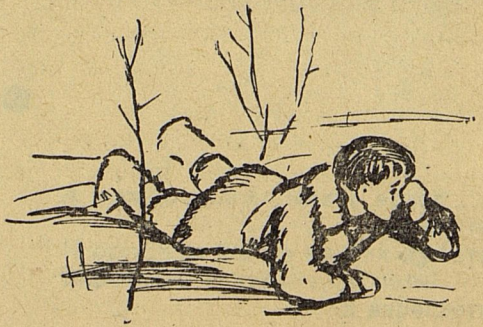
Небо поднялось выше, заголубело и, весёлое, заполненное лёгкими, перистыми облаками, разыгралось, как ребёнок колокольчиком, серебряной песней жаворонка.

Весна...

Прошка бодро шагал за дедом Афанасием, стараясь не отстать. В тёплой беличьей шубке, в заячьей шапке и лёгких ичигах Прошка очень похож на медвежонка.

Косолапо, неуклюже переваливался он через встречную валежину. Пыхтя, сопя, он всё-таки шёл и шёл, совсем не чувствуя усталости.

Впрочем, поспевать за дедом не так уж и трудно. Афанасий хром — одна его нога с самого детства осталась короче другой. А ещё — Прошка и



не догадывался об этом — дед нарочно не спешил, слыша за своей спиной сопенье и вздохи. Весенний ледок похрустывал под ними, как любимые лепёшки из кукурузы, которые ему каждый раз подаёт за завтраком бабка Фетинья.

Высоко над путниками глухо шумели старые ели, но тут, на тропе, тихо и спокойно Прошка остановился, задрал голову, глянул наверх, где гудел ветер, но ничего, кроме зыбкой зелёной стены, не увидел. А шапка его свалилась под ноги и покатилась по косогору у ручья. Прошка побежал за нею, но споткнулся и растянулся на сугробе.

Афанасий присел на чёрную корягу и достал кисет. Прошка полежал на жёстком, в колючих крупинках сугробе, но дед так и не подошёл к нему, чтобы помочь встать. Наоборот, он неторопливо сунул пальцы в синий залатанный кисет, достал табаку, свернул цигарку, потом стукнул кресалом, запалил трут и закурил. Теперь его не дождёшься!

Прошка даже обиделся: дома дед всегда помогал ему во всём, а тут... Хоть плачь! Прошка захныкал, даже потёр один глаз, кося другим на деда, но тот спокойно рассматривал пёстрого дятла — желну на дереве и совсем не замечал внука.

Прошка повозился ещё на сугробе, посучил ногами и наконец встал. Сердито сопя, он схватил шапку, нахлобучил её на самые уши и тихонько подошёл к деду.

Афанасий, словно только сейчас заметил его, повернулся и прогнусавил:

— Ну, пойдёшь дальше, охотник? Или домой вернёмся?

Прошка промолчал. Вот гунявый дед... У всех в Сосновке деды как деды, а у него хромой да гунявый. «Вон Гунявый идёт!» — дразнят в деревне. Прошка всегда из-за этого дрался с мальчишками, но сейчас он был очень сердит на деда и даже подумал, что так ему и надо.

Наверное, Афанасий не догадывался, о чём думал внук, иначе бы он не сказал спокойно:

— Ты, Прошка, завсегда сам вставай, коли свалишься. Не малóй уже... И-и, тайга не балует тех, кто падает.

Вот за это Прошка уважает деда: он никогда не скажет, что Прошка малóй. Не то, что другие... И какой же он, Прошка, малóй? На охоту с дедом ходит. Правда, сегодня в первый раз, но всё-таки.

Петька-то Страховых дома, небось на печи сидит, а Прошка в самую тайгу забрался. Отсюдова даже ни одной избы в Сосновке не видать.

Прошка шмыгнул носом и спросил:

— Дед, а почему тайга не любит, когда падают, а?

Афанасий нахмурился, словно внук сказал что-то нехорошее.

— На то она и тайга. Тут смотри в оба...

Прошка и смотрит в оба. Вот они — оба глаза! А ничего всё равно не видно — одни деревья. Вечно эти взрослые скрывают от маленьких секреты и говорят непонятно. В Сосновке всё время долдонят: «Тайга, она, брат, не помилует!», «Тайга — она и есть тайга...» И дед такой же.

Прошка насупился, оттопырил розовую нижнюю губу и нарочно сказал, чтобы удивить деда:

— А я сам знаю, что такое тайга... Понял? Вот!

— Ну?..

— Знаю и всё! И не задавайся...

— Скажи, коли знаешь. А я послушаю, — ощерил Афанасий в ухмылке сухой, впалый рот.

— Тайга — это... во сколько деревьев! — выпалил Прошка, широко разведя руками и хитро прищуриваясь. Дед сипло засмеялся, хлопнул его по плечу корявой и твердой, как лопата, ладонью и прогугнил:

— Дурачок ты ещё, Прошка! Ох, дурачок...

Потом вздохнул, притоптал окурок огромными бродняками, поправил за спиной ружьё и, кряхтя, встал с коряги.

— Ох-хо-хо!..

Но Прошке такой конец спора не понравился.

— А почему, где нет деревьев — там не тайга, а? — спросил он лукаво, потирая варежкой лоб. — Почему, а?

— Это где же нет деревьев?

— А вот сам ты раньше говорил: «Пойдём, Прошка, на покос», «Пойдём на речку!», «Пойдём на болото...» А вовсе не в тайгу, там всегда деревья.

— Ишь какой настырный, — удивился Афанасий и даже присел. Выцветшие бледно-зелёные глаза его выразили полное удовольствие. — Однако выйдет из тебя прок, Прошка!

— А что такое — прок?

— Ну, прок... Прошка — всё равно.

— А куда я выйду?

— Фу ты господи, — изумился Афанасий. — Заговорил совсем! Запомни: и речка, и покос, и болото, и все птицы, и звери, и деревья — всё это в тайге. Тут всё кругом тайга — и нет ей конца и краю. Понял?

Прошка кивнул: «Тайга — это всё-всё кругом...» А Петька Страховых спит на печи и ничего про это не знает. Вот уж когда вернётся с дедом в Сосновку — он уже расскажет ему...

— Пойдём, что ли?

Афанасий повернулся и пошагал, прихрамывая, через кусты. В такт его шагам колыхалось за спиной старое ружьё

и позванивал ледок под ногами. Полушубок у деда с рыжим воротником, а лицо красное и всё в морщинах, как сосновая кора. Высокий, сутулый, перепоясанный патронташем, он всё-таки очень хороший, хотя хромой и гунявый. В груди у него всегда что-то тихонько гудит, и когда Прошка прижимается к нему на печи, то кажется, что кто-то там внутри у деда спрятался и играет на тоненькой дудочке.

Прошка спросил однажды бабку Фетинью, что у него там гудит, но так и не узнал. Бабка доставала ухватом чугун со щами, озлилась и зашипела, как сало на сковородке:

— Ни черта ему, треклятому, не сделается! Гудит и гудит... Он, варнак хромой, тебя ещё переживёт. Нет ему погибели, гунявому бесу...

А, поставив горячий чугун на стол и припалив скатерть, запричитала:

— Господи! Что же это, а? Вон пошёл, Прошка. Бубнишь под руку, шельмец! Владыка небесный, прости наши пре-

Рис. В. Адаева

грешения... Скатерть-то новая! Ах ты господи...

Прошка тогда ничего не понял и больше её не спрашивал. Вечно эта бабка Фетинья ругает деда. А за что? С ним-то всегда поговорить можно: он всё понимает! А бабка — злая она... И его, Прошку, не любит. Всегда орёт: «Куда сел?!», «Зачем кошке чистый ковш дал, а?!» Всё ей не так.

Сегодня собирались на охоту, так она кричала, что не отпустит Прошку в тайгу. А когда они с дедом всё-таки пошли, то ругалась вдогонку:

— Чтоб вы там сгибли, треклятые! Чтоб вам там медведь головы поотрывал... Чтоб вы, мучители, в болоте утопли!

Вот какая злая бабка. Нет, лучше о ней не вспоминать: сразу скучно стало.

— Дед, а дед! — позвал Прошка, шлёпая за ним по следу.

— Чего тебе?

— А медведь нам головы свернёт, да?

— Типун тебе на язык! С чего ты взял, — забеспокоился Афанасий и даже приостановился. Но тут же, что-то вспомнив, улыбнулся и грозно потряс ружьём. — А это видишь? Мы ка-ак пальнём — и медведю каюк. Ты не бойся — мишки тут нет. Ни следов, ни берлог. Я знаю...

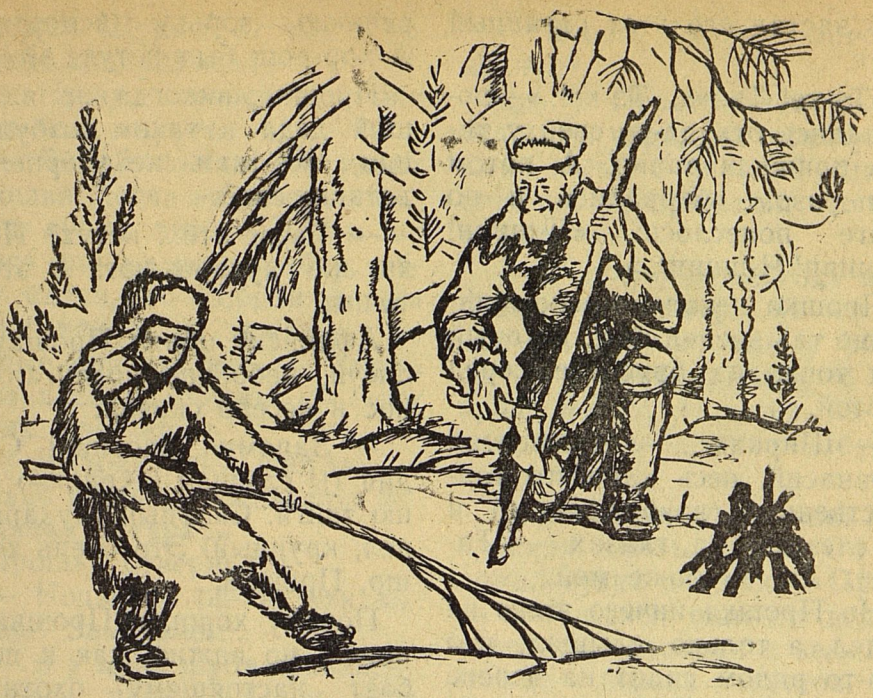
Прошка успокоился и стал с любопытством озираться. Солнца ему с тропы не видно, оно пряталось где-то в сосновой чаще. И там, где оно пряталось, было темно до синевы. Зато другая сторона лога, по которому они сейчас шли, горела ровным багровым пламенем.

Вечерело.

По бокам лога мерцали проталины с жемчужной бахромой льда и прямо у льда тянулись к солнцу тонкие стебельки зелёной черемши. Верховой ветер неутомимо вытряхивал с сосен снежную зимнюю пыль и так натёр ладони о толстые ветки, что, когда устал и, прошумев в сухой траве, улетел вниз по логу к моховым болотам, — вокруг сильно запахло смолой.

Прошка всей грудью вдыхал вкусный, как мёд, воздух и радовался. Как здóрово на охоте! Не то что сидеть на жаркой и противной печке. От неё потеешь, одолевает сон, а тут ещё из щелей и трещин выползают чёрные тараканы с длинными усами. Тараканы шуршат, но Прошка-то знает, что они договариваются, как бы лучше напасть. Прошка сказал об этом деду, и тот сразу взял палку и стал загонять тараканов в щель. Но тут, как назло, пришла со двора Фетинья и заорала, что и дед, и Прошка — ироды. А потом, когда немного успокоилась, Прошка слышал из-за занавески, как она выговаривала деду:

— Ну, он-то малóй... Дитя! Ему господь ещё разума не дал. А ты, хромой бес, нешто не смыслишь, что делаешь, а? — Бабка шумно отхлебнула чай с блюдца и продолжала ворчать: — Тараканы-то к счастью да богатству в избе заво-



дятся... А ты их — палкой! Рази умные люди так делают? У, чёрт длинный! В раззор дом-то хочешь пустить, что ли?

Последние слова Фетинья сказала мирным голосом: она всегда добре́ла, когда напивалась чаю досыта. В этот вечер она даже разрешила Прошке взять старый календарь и посмотреть картинки, на которых есть море и каменные дома.

А тараканы так и остались жить в избе.

Задумавшийся Прошка чуть не сунулся в ноги деду Афанасию, который остановился у бурелома.

— Ну вот и пришли, Прошка! — услышал он сиплый голос деда. — Тут вот, в этой ямине, и ночевать сподручно. До глухариного тока — рукой подать. Вон оно — моховое-то болото!..

Прошка посмотрел туда, но ничего, кроме густой синевы сумерек да ближних кустов можжевельника, не увидел. Афанасий с облегчением сбросил с плеч крошни — заплечную плетёнку, повесил ружьё на сучок замшелой кривой сосны, у которой они остановились, и прислушался.

Прошка уселся на валежину, вытер варежкой пот со лба — и тоже прислушался. Из чащи донёсся глухой звук, словно кто-то невидимый легонько стукнул молоточком по бочонку: «Дак!»

Прошка вытаращил глаза и вздрогнул. А дед высоко поднял палец вверх, призывая молчать, и замер на одной ноге — в той самой позе, в кото-

рой застал его этот странный звук.

«Тэ-ке! Тэ-ке... Тэ-ке!..»—посыпались откуда-то сверху тихие прищёлкивания. А потом они разом оборвались, и по тайге понеслось: «Ч-шиии! Ч-шиии! Ч-шиии!..»

Прошка невольно вспомнил: точно так звенел нож, который дед точил на брусочке перед охотой.

— Ширкает... — прошептал Афанасий, весь какой-то торжественный, возбуждённый и со слезами на глазах. — Точит!.. Ах ты боже мой...

Но Прошка ничего этого не видел, а только слышал, что кто-то рядом сидит на дереве и точит нож. Так и дед сказал — точит. Наверняка хочет зарезать их с дедом. Прошка вскочил, схватил Афанасия за рукав и закричал:

— Бежим, дед!.. Скорей... Он сейчас наточит!

Афанасий, быстро глянув на внука, сразу всё понял, с излишним проворством бросился к ружью, вытаращил глаза, так что они у него едва не вылезли, и устрашающе прошипел:

— Сейчас мы его, старого петуха!

Раздалось резкое хлопанье крыльев, и крупная тёмная птица, шумно сорвавшись с вершины сосны, стремительной тенью исчезла в чащобе.

— Ах, сорвали подслух! — с сожалением сказал Афанасий, вешая на место ружье. — Ну, да ничего — сейчас и стрелять-то ни к чему. Только утреннюю зорьку испортишь. А хор-рош был петух, а?

Прошка, никогда не видевший деда в таком возбуждении, всё-таки не утерпел и вставил своё:

— Разве это... петух? Петухи же кукарекают! А этот... точит.

Афанасий обнял Прошку за плечи, небольно подергал за нос и весело сказал:

— Запомни, охотник! Сегодня ты слышал весеннюю песню тайги. Сильный глухарь её пел, крупный! Это очень хорошо, Прошка...

Почему хорошо, Прошка не понял, но важно, как и подобает настоящему охотнику, кивнул в знак согласия.

— А теперь запалим костёр, — прогнусил дед, нагибаясь с топором над валежиной. — Сделаем нодью... Да, Прошка, а ты умеешь костёр-то разводить?

— Ещё как! — гордо ответил Прошка и стал проворно собирать ветки с земли. Как же он не умеет? Скажет же дед такое... Он с Петькой Страховым сколько раз во дворе и в огороде костёр палил. А тут — вон какая прорва сучков...

Прошка снял варежки. Руки вспотели, едва он стал со всей силы тянуть толстую суковатую палку из сугроба. Варежки он сунул за пояс, как это сделал ещё раньше дед, рубивший валежину на чурки. Вдруг Афанасий, заметив тщетные потуги внука, бросил топор, сел на сутунок-чурку и

закурил. Щурясь от дыма, легонько подбадривал:

— Ну-ну, согрей-ка меня огоньком, внучек...

— Давай спички! — сказал Прошка, когда на снегу затемнела кучка веток. Потом он долго чиркал по коробку, обжёг палец, но собранные им ветки так и не зажглись. — Сырые они тут все, — хмуро признался Прошка. — Нету сухих. Снег же...

— Выходит, без костра? — лукаво спросил Афанасий, попыхивая цигаркой.

Прошка отвернулся.

— Ночью-то ой-ой, как холодно! Замёрзнем...

— А у меня шуба тёплая, — нашёлся внук. — И у тебя тоже...

— Э-ээ... На это не надейся. Так прихватит, что ой да люли, — проворчал дед, вставая. — Охотник завсегда должен развести костёр. И в дождь и в снег... Без костра в тайге сгинешь. Вот ты небось чаю сейчас хочешь?

Ещё бы Прошка не хотел чаю! Во рту всё пересохло и в животе бурчит от голода. А сверху ещё падают строгие слова деда:

— То-то. А без костра — ни чаю тебе, ни пропитания. Помрёшь с голоду и холоду. Огонь — это жизнь, Прошка!

Что-то суровое почудилось мальчишке в голосе деда. Он говорил с ним, как со взрослым. Афанасий видел, что внук слушает его серьёзно и, радуясь про себя, передавал ему свой, проверенный не раз, таёжный опыт.

— Чуешь, север морозом дохнул?

Да, у Прошки нос закоченел, и он украдкой смахнул со щеки слезу. Афанасий сделал вид, что не приметил этого, и продолжал:

— В такую вот погоду надо разводить костёр. И лучше всего в ямине, али у обрыва — у самой стенки. В яме вроде нашей. И ветер не задует, и тепло — тут оно будет, как дома...

Рассказывая, Афанасий подкреплял советы делом. Он наломал сухих веточек, и Прошка понял свою ошибку: дед ни одной не подобрал с земли, а только с дерева и кустов. Потом он натесал от комля сосны щепок, чиркнул спичкой, — и весёлый огонёк скоро загудел на дне ямы.

Афанасий подбросил сучков потолще, и стало так тепло, что Прошка не вытерпел и расстегнул воротник шубки. Бойко забулькал в чайнике кипяток, и лёгкий пар вместе с дымом улетал к тёмному звёздному небу.

— Пихту и ёлку в костёр не клади, — говорил дед, разливая по эмалированным кружкам чай, терпко запахший лимонником. — От этих пихт искры здорово летят...

Прошка сильно дул в кружку, слушая деда, и его щёки надувались, как два гриба-боровика. От чая по телу разлилась приятная истома. «Хорошо как с дедом... Право, хорошо. И тайга с ним совсем не страшная», — думал довольный Прошка. И хотя веки его

от сытости и покоя слипались, словно их густо намазали смолой, он всё-таки старательно слушал негромкий голос деда. Ухо его улавливало даже неясные шорохи в густой гриве сосны, и он догадывался, что это какие-то птички устраиваются там на ночлег и тихонько, чтобы не мешать им с дедом, попискивают. Незаметно Прошка уснул, сморённый теплом, и уже не слышал, как дед, покрутившись у костра, положил на жёлтые угли две сухие чурки, затесал их, сверху положил третью и бубнил про себя:

— Вот и охотничье корыто готово! И нодьи не надо... Ни к чему на одну ночь нодью...

Лицо у Афанасия весёлое, видно, старик давно ждал такого дня. Никогда у него не было сына. Как тосковал он на промысле, месяцами живя в охотничьем зимовье, по верному, родному человеку, который был бы всегда рядом с ним. Зато теперь хорошо, теперь с Прошкой, хоть ему, старику, уже близко до вечного покоя, он походит по тайге. Походит... Правда, Прошка — неродной внук. Вспомнив об этом, Афанасий помрачнел.

Экая судьба привередливая... Одному она — и пух и пышки, другому — камни да шишки. Взять того же Стёпку долгоносого. Жил человек, как человек. Работящий, азартный — страсть!.. А что вышло? Пошёл косить сено, коса за спиной. На мосток вышел, глядь — а там, в чистой водяной яме, на камнях ленок жирует. Да здоровущий... Экая уха! Хвать со всей силы черенком по рыбе — свою голову развалил. Вот-те и уха!.. Не подумал, бедолага, что коса, а не палка на плечах. Сам для себя наточил смерть. Охо-хо!.. Вот тебе и азарт. На виду у всей Сосновки сгинул. И несуразно — ей-бо... Страсти людские! От них вся беда. От них и не знает человек своей судьбы.

Афанасий вздохнул, придвинул ноги поближе к костру, глянул на спящего Прошку и прошептал: «А ить вылитый Степан...» Эк, не повезло парнишке! Н-да. А дальше — больше: кто возьмет Настьку взамуж с дитём? Ну, дали ей пособие... Помыкалась баба год-другой, а что толку? Туда-сюда — хоть разорвись. А главное, Настька к лесу никак не приучена. Как привёз её Степан с городу — невестушку красную, так и оста-

лась она без разумения, вроде Прошки. Во двор боялась выйти. А как Степана не стало, тут уж поневоле за ум взялась. Да где там! Ушла раз в тайгу за дровами зимой — ну и поминай как звали... Не вернулась. Нашли уж весной, в волчьем логу. Заблудилась, али замёрзла — тайгу не спросишь. Она ничего не ответит — тайга.

— Ох-р, матушки-светы! — вздохнул Афанасий от нелёгких дум, вспоминая, как Фетинья ругалась, когда он привёл Прошку в свою избу. А-яяй... Конечно, от сельсовета прибыл уполномоченный. Надо, говорит, сироту-мальчонку в детский дом определить. Может, это и хорошо — детский дом, но зачем, ежели он, Афанасий, и сам мальчонку на ноги поставит? Всё будет, как у людей: и накормлен и присмотрен. А Фетинья что: посердилась денёк-другой, а потом ничего — приобыкла. Сердце не камень — отходчиво. Прошка поначалу похныкал, а потом поверил, что ни мамки, ни папки у него не было, и нашли его в тайге, когда девки за грибами ходили. Н-да. А избу Степана разбирать не стали. Пусть стоит. Ночуют там пришлые охотники, ну ещё девки молодые на посиделки собираются. И хорошо это. Прибирают там, следят, чтоб порядок... Песни поют. А вырастет Прошка — и дом ему готов, отцом срублен. Помянет батьку добрым словом.

Афанасий развязал крошни, развернул одеяло и накрыл им Прошку с головой. Посмотрел на небо, далёкое, смурное, и заметил с краю, между лохматых лап сосны, медный серп месяца, а рядом — маленькую, яркую звёздочку. И что-то знакомое он уловил в их близком соседстве. Месяц словно тянул за собой звёздочку, она тоже не отставала от него, и Афанасий подумал, что вот и они с Прошкой будут теперь ходить по тайге так же, и никто их не разлучит, кроме смерти.

«Ву-умб!.. Ву-у-мб...» — пробили таёжные куранты: сова-неясыть бесшумно слетела с ветки и отправилась на охоту.

Афанасий зевнул, прилёг рядом с Прошкой и скоро забылся сторожким, тревожным сном. Огни костра, косые и быстрые, сникли. Припав к золотым бокам сутунков, они вдруг обессилели, потеряли блеск и заполыхали ровно, в полсвета, словно кто прикрутил лампу. Угли потемнели, покрываясь тонким кружевом серой золы.

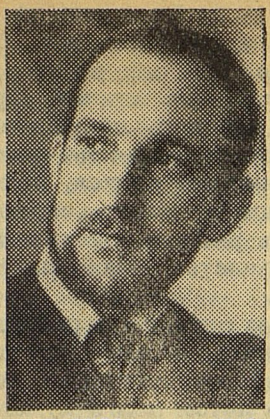
«Ву-умб!» — грянуло над самым костром, потом дальше по логу и где-то утихло на моховом болоте.

Сергей Васильевич Посниченко — военный журналист и военный поэт. В годы войны он сражался далеко на севере, за Полярным кругом. И поскольку С. В. Посниченко — лётчик, ему не сложно было потом перелететь с Дальнего Севера на Дальний Восток. Здесь он и работает по сей день в газете «Суворовский натиск».

Стихи С. В. Посниченко тоже посвящены армии, лётчикам. Сегодня — это мирные будни воинов, учёба, овладение техникой. Но в каждом стихотворении чувствуется: наши воины-дальневосточники зорко стоят на страже, всегда готовы ответить на удар врага сокрушительным, могучим ударом.

Сергей ПОСНИЧЕНКО

О них не пишут местные газеты,
И многие
не знают их имён.
Они родне —
и то лишь по секрету —
Дают свой адрес:
«Н-ский гарнизон».
Мы их нередко в городе
встречаем,
Не замечая даже их подчас.
Мы,
ко всему привыкшие,
не знаем,
Какие люди ходят среди нас!
О них не пишут местные газеты,
Но знают все:
чтоб отвести беду,
На перехват уходят на рассвете
Гремящим метеором в высоту.
Их оглушает бешеная скорость,
Порой
едва не плавится металл.
Но о себе почти не беспокоясь,
Не оставляют —
как всегда —
штурвал.
На всё идут,
чтоб в вышине бесследной
Прикрыть наш край
и песни детворы.
Не их вина, что грифом
«Сов. секретно»
Их самолёты скрыты до поры.
Вернутся —
в полдень или ночью поздно, —
Наполнив гулом чистый
небосклон,
Встречает их обыденно и просто
Тревогами живущий гарнизон.



ВАЛЕРИЙ Владимирович Шульжик жил в городе Пушкине. Но в 1957 году все куда-то ехали. Боясь опоздать, он тоже схватил чемодан и отбыл на восток. Работал матросом, грузчиком, рулевым. Потом пришёл в детский театр. Не зрителем, а актёром. За семь лет работы на сцене сыграл пять собак, три бабы-яги (одну добрую), доктора Айболита и ещё разных зверей и разных плохих людей. В результате — стал режиссёром.

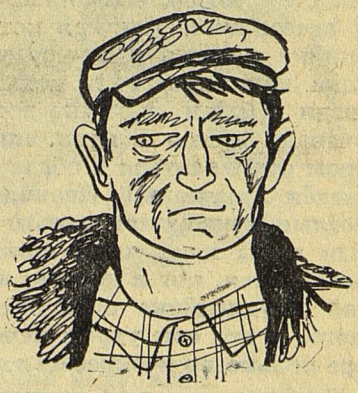
Первые стихи Валерий Шульжик написал в четвёртом классе. Это были стихи о плохом мальчике. Плохой мальчик встретил юного поэта поближе к вечеру и весьма популярно «растолковал» ему всю трудность литературной работы. Однако эта небольшая «вздрючка» только подхлестнула поэта, и с тех пор он пишет регулярно.

В 1961 году в Хабаровске вышла первая книга стихов В. Шульжика. Потом появилась ещё одна, за ней — повесть, книга рассказов. Сейчас он пишет новую повесть.

В этом году В. В. Шульжик принят в Союз советских писателей.

В. ШУЛЬЖИК

Кош-кин дом



Отгремела, отгрохотала путина, и следом за ней обрушились на побережье морозы, нескончаемые снегопады и жуткие, леденящие душу ветры.

В один из дней, распродав и размотав по знакомым нехитрые пожитки, навсегда укатил с побережья уже не молодой рыбак Иван Тимофеев. В день отлёта видели Тимофеева в Охотском аэропорту. Был он пьян, на чем свет стоит ругал Север и время от времени хватался за карман, для верности прихваченный изнутри булавками крест-накрест.

Посудили люди, порядили, хорошее вспомнили, и про то, как лет пять тому назад утонул при переправе с катера на берег заводский кассир с деньгами, и Иван три дня не ходил на работу всё ждал, не выбросит ли море на берег туго набитый клеёнчатый портфель.

Никому не поручив, бросил Иван на краю посёлка старый дом, сарай да две поленницы суковатых, подсохших за лето дров. Единственным хозяином дома стал рыжий кот. Кот был себе на уме и не откликался ни на одну из известных мальчишкам кличек. Пробовала было бабка Ксения пожалеть кота, но всё напрасно. Пронесла его в сумке почти полдороги, а он вырыгнул и прямо по снегу — домой. Сначала коту казалось, что хозяин вот-вот явится, наколет смоляных плах и, весело присвистывая, начнёт топить огромную обшарпанную печь. Потом он станет чистить рыбу и, смахивая ножом на пол жирные внутренности, приговаривать: «Любишь ты у меня лопать, бандит, ух, лю-у-бишь!».

Хозяин не вернулся ни через день, ни через пять, ни через месяц. Даже подпольные мыши, очевидно отчаявшись, в одну из ночей сбежали невесть куда. После ухода мышей кот оголодал вовсе. Поймал было воробья, но такого тощего, что потом долго думал, то ли ел, то ли приснилось. За это время лишь раз и поел вволю. Шел мимо дома цеховой сторож, увидел кота, покачал головой и вынул из сумки ослепительно жёлтую краюху. Кот зарылся усами в тёплый ноздреватый хлеб, заурчал, как самовар. Старик сторож, сыпя махорку мимо газеты, укоризненно ругал, как уговаривал:

— Ждёшь? Не уходишь?.. Ну и дурень! Он, Тимоха-то твой, чичас где-нибудь в Сочах курей разводит!

Старик постоял ещё немного, обозвал всякими словами Тимоху и, протоптав новый след, ушёл на завод.

В середине января погода наладилась. Морозы стояли по-прежнему крепкие, но зато прекратились ежедневные и еженощные снегопады и ветры. Однажды, совсем поутру, в посёлок пришла колонна автомашин. Испугав кота, мощные грузовики промчались к лесопилке и лишь к вечеру укатили назад. В ста километрах от посёлка начали строить новый цех, и туда машины увозили брёвна, гвозди и белые, пахучие доски. После того как колонна дважды заночевала прямо в пути, шофёры решили спать в посёлке и лишь утром отправляться в обратный рейс. Под жильё для шофёров и был отведён пустующий Иванов дом. Шофёры нагрянули как-то сразу. Весёлые, пропахшие ветром и смолистым деревом, они мигом натопили печь, накормили кота до отвала. Ошалев от нагрянувшего в дом счастья, кот в первую ночь не спал, ходил по комнатам и радостно и удивлённо обнюхивал лежащих вповалку людей. Их было много, и все они утром исчезали, а к вечеру появлялись вновь. Теперь только по воскресеньям кот жил один.

Сначала дом для ночлега называли Тимошкиным, так было до тех пор, пока один из шофёров не возмутился:

— Почему Тимошкин? Ну почему? — спрашивал он. — Тимошка был и нету, — а кот здесь. Кошкин это дом, кошкин!

После этого разговора кто-то из ребят вывел на наружной стене жирным мазутом: Гостиница «Кошкин дом».

Кот округлел и стал важным. Особенно полюбил он одного из шофёров, уже пожилого и, как казалось коту, самого главного. Тот часто гладил кота тёплыми руками и приговаривал:

— Ох, кот, какой у меня внук есть!

По утрам этот человек поднимался раньше всех и после завтрака громко командовал:

— Товарищи отдыхающие, прошу рассчитаться за ночлег! — И сам первый нёс коту кусок колбасы или булки.

Лес возили до самой весны, и до самой весны кот жил припеваючи. Уже последним рейсом старый шофёр заглянул ещё раз, —

нужно было прихватить ватник и несколько проколотых камер. Кот встретил шофёра на крылечке и радостно потёрся о пахнущие бензином сапоги. Человек присел на ступеньку, покачал кота, как ребёнка, и спросил:

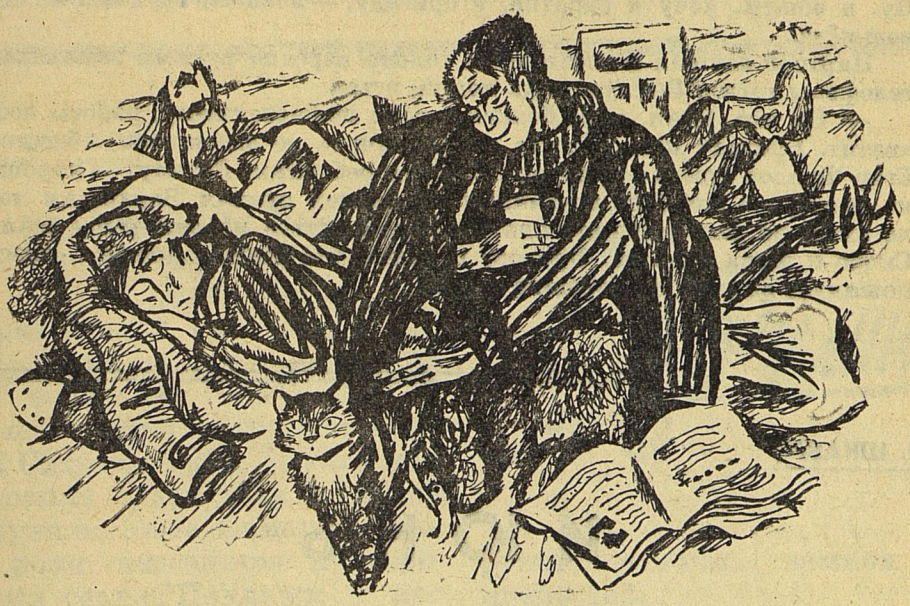
— Ну что, рыжий, едём ко мне? У меня там такой внук есть! Ну что, едем?

Кот положил голову на жесткую ладонь и закрыл глаза.

«А что... — подумал он, — вот возьму и уеду. Он такой, и я такой...» — И впервые кот подумал плохо о своем прежнем хозяине.

Дверца кабины открыта. На чуть подрагивающем сиденье лежит кот и разглядывает свой дом и двор. Вот грядка с прошлогодним луком. Вот колодец, крышка отвалилась и лежит рядом. По этому шесту кот однажды долез почти до самой скворешни. Иван тогда залез на поленницу и дважды огрел кота старым рыбачьим веслом...

Старый шофёр захлопнул крышку капота и с шумом сел на сиденье.



— Ну, что, кот, двигаем? Там нас такой внук ждёт!

Грохнул в полную силу мотор, и машина, задрожав от напряжения, резко рванулась вперёд. Ещё раз увидел кот дом, берег моря и понуро склонившийся колодезный журавль. И вдруг такая тоска сжала его сердце, подпрыгнул он, ухватился передними лапами за оконную кромку и с грохотом вывалился в синюю дымящуюся лужу.

Только на крыше родного дома пришёл кот в себя, глянул вслед уже далёкой машине и радостно закрыл глаза.

Иван Тимофеев нагрянул вдруг. Сначала на чёрной ленте дороги появилась едва заметная точка, человек шёл быстро и у самого посёлка вдруг ударился в бег. Трясущимися руками Иван Тимофеев долго не мог нашарить вертушку и, так и не найдя её, с силой рванул калитку на себя.

Мимо дворов, причалов, мимо заводских цехов идёт Иван в заводоуправление. И с каждым первый здоровается — так, словно виноват в чём. А может и вправду виноват? Не украл, не обидел, но всё равно виноват, потому как однажды взял и плюнул на эту

землю, на которой эти люди работают, любят и живут. Идёт Иван быстро-быстро. И только о заводского сторожа запинается, как о камень. Глаза у сторожа хитроватые и злинка в них, словно льдинка.

— Ну, рассказывай, почем виноградны там?

Иван хмурится:

— Зря вы, деда, так... Лежачему пинка дать — в том геройства нет, а про виноград — так я до него никогда охотником не был.

И только в комнате у парторга оттаивает Иван, правду выкладывает:

— Вы мне верьте... Я так думаю, мне эти слова только сегодня даны, потом забуду или спрячу куда, не вытащишь. Приехал я сюда по первому разу — решил, деньгу зашибу и ходу. Всё время так думал, а сам и не знал того, что уж к этой земле сердцем прирос, уехал и не знал! В Ставрополе дом купил с садом. Ночью паровоз загудит, а мне всё кажется, что пароход под погрузку стал. А уж как о наших местах по радио услышу, так словно ножом по сердцу! Ну, в общем, хочу я обратно, в бригаду, — ловцом, грузчиком, кем возьмёте.

Парторг слушал внимательно, только изредка руками взмахивал, телефоны гасил. Выслушав до конца, встал.

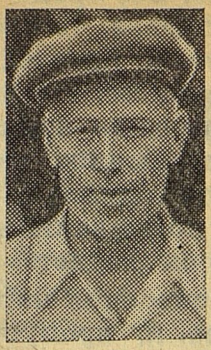
— Ну что, Иван, море большое, если по-настоящему, работы всем хватит. Бригаду после твоего отъезда (чуть не вырвалось — бегства) Егор Фролов принял. Поговори с ним, с ребятами. Возьмут — хорошо, не возьмут — пойдёшь грузчиком на третий причал. Заработки там не ахти, но зато моря вдоволь. В «Новом устье» первую рыбу взяли. Скоро и наша очередь. Фролову передай, что рыба подошла — авось пожалует он тебя за хорошие вести.

Л. ШКАВРО

ИЮНЬ

Дочке Стэлле

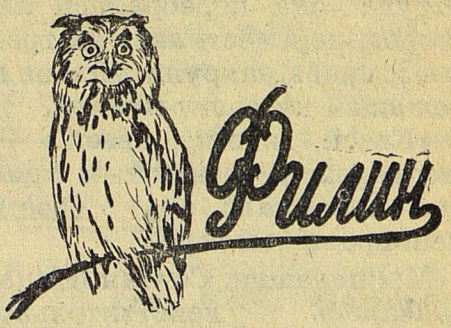
Под игольчатой
крышей ельника
млеют заросли
можжевельника,
пахнет солнечной
земляникою,
породнившейся
с ежевикою,
где, раскручиваясь,
тропка тянется
и от марева
вся туманится...
Кудри вереска,
словно нитками,
паутинками
густо вытканы.
Чаламан-трава,
вижу, издавна
спелой радугой
вся забрызгана,
где поляночка
бело-зелено
Свет-ромашками
заметелена.
Кружит голову
сласть-смородина...
Где такая есть
в мире Родина!



Вы знаете, о чём поют птицы? Я не знаю. Но если бы кто-нибудь научился понимать их и прислушался к весенним трелям пернатых Дальнего Востока, он наверняка среди множества других, услышал бы песню о друге. Точнее: птичью песню о Всеволоде Дмитриевиче Яхонтове.

По профессии Всеволод Дмитриевич — фельдшер. Но, кроме того, он ещё и большой знаток пернатых, верный их друг. Много лет наблюдает он за жизнью птиц, изучает их повадки, участвует в работе орнитологических отрядов Академии наук СССР, колеся по Приморью, Якутии, Уссурийской тайге, плавая по дальневосточным морям. Для чего? А для того, чтобы как можно лучше познакомить людей с удивительным, весёлым, работящим, крылатым племенем. Во многих музеях стоят чучела птиц, сделанные руками В. Д. Яхонтова, в десятках рассказов — в газетах, журналах, отдельных книжках — живут его пернатые друзья. И в каждом рассказе одна самая главная мысль: «Любите птиц! Будьте их настоящими друзьями!»

В. ЯХОНТОВ



ВЕЧЕРЕЛО. Нарты весело скрипели полозьями. Извилистая, спотыкающаяся на каждом шагу речка прочно промёрзла и вела нас всё выше и выше к отрогам горного хребта Сихотэ-Алинь. За главного в санях сидел мой молодой спутник Кеша Самар. Я же в роли пассажира пристроился сзади. Поклажи у нас было немного, и собачки бежали дружно и торопливо. Тихо повизгивая и кусая за ноги передних, они с маху брали небольшие подъёмы и лихо мчались, спускаясь вниз.

За каждым поворотом открывались виды один другого краше. То мохнатые, в белых пуховых шапках лиственницы обступали русло со всех сторон. То причудливые, остробокие изломы скал вздымались по косогору, как руины могучих замков и крепостей.

Внезапно у обрывистой излучины реки, из чащи леса, показалась какая-то огромная птица и низко полетела вдоль распадка. Полёт её был медленный, волнообразный, концы крыльев свисали вниз.

«Филин!» — мелькнула догадка. И тут я вспомнил, что в нашем краеведческом музее нет чучела этой большой совы. Пополнить коллекцию Отдела природы таким ценным экспонатом было бы неплохо. Я вскинул ружьё и

выстрелил. Грохот вырвался из дула и стоголосым эхом прокатился по ущелью. А летевший не спеша филин приостановился, как-то поник и бесформенным комком ткнулся в снег.

И тут сразу же, неизвестно откуда, вылетела вторая, такого же склада, птица. С жалобным криком закружилась она над упавшим товарищем, потом присела рядом, опять взлетела, как бы приглашая последовать её примеру. Завидев приближающихся людей, сова поднялась в воздух и села на ближайшее дерево. Оттуда она перебралась на второе, переместилась на третье и снова закружилась над лежащей на снегу птицей.

«Квеек, квеек, квеек!» — беспрерывно, тревожным криком возвещала она о своём непоправимом горе.

Мы подошли. Сбитая птица оказалась действительно крупным филином. Густое, мягкое оперение его было красиво расцвечено в рыжие и чёрно-бурые тона. Огненно-красные, строгие, немигающие глаза уже не таращились, а потухли, подёрнутые тусклой плёнкой. На голове картинно торчали ушные перья. Мохнатые, когтистые лапы были подвёрнуты.

В восторге от удачи я вначале не обратил внимания на летающего рядом и жалобно кричащего другого филина. Положив добычу на нарту, мы продолжали свой путь.

Но теперь дорога стала уже не такой мирной и безмятежной, как ранее. Всё время неотступно, то справа, то слева к нам подлетал, преследуя, оставшийся одиноким бедняга филин и истошно кричал. Временами привычное «квеек, квеек» переходило в какой-то визг с подвыванием, и казалось, что он рыдает.

Вот филин опередил нарту, сел на дерево и, пропустив нас мимо себя, опять устремился вперёд, не переставая кричать.

До зимовья, где мы решили остановиться и где Кеша мечтал поохотиться, было около семи-восьми километров. И всё это расстояние, вплоть до избушки, нас конвоировал тоскующий филин. Нельзя сказать, что путь с таким печальным эскортом мог бы кому-нибудь понравиться. Настроение было явно испорчено. Но бесцельно губить вторую птицу я не стал.

— И зачем вы его застрелили? — укоризненно покачал головой Кеша. — Видите, как волнуется, как плачет его пара? Да и нам покоя нет! Неладно получилось!

Кеша слыл неразговорчивым. Но дело было такое, что поневоле выскажешься. Да я и сам сознавал, что как-то неладно всё это вышло. Но тогда, в горячке, я совсем упустил из виду: ведь филины паруются на всю жизнь. Они очень привязаны друг к другу и всегда неразлучны. Гибель одного, так же как у лебедей, всегда болезненно воспринимается другим. Тоскуя по утрате, филин подолгу

остаётся в одиночестве.

Привязав собак и расположившись в сторожке, мы стали готовить ужин. Стемнело.

«Пу-гу-гуу! — донёсся до нас громкий крик филина...— Пу-гу-гу-гуу! — одичало раздалось вскоре с другой стороны. — Пу-гуу, пу-гуу, пу-гуу!» — завопил он совсем рядом. Дикий хохот прозвучал над самой избушкой. Забеспокоились и залаяли собаки, а потом стали подвывать. Сначала одна, за ней другая — и вскоре собачий концерт во всю мощь огласил полянку. Стало жутко. А крылатый дирижёр, он же и первый солист, всё время поддавал жару, и душераздирающие выкрики, уханье и вопли слышались то здесь, то там. Услужливое эхо быстро разносило и множило эти невероятные звуки, и казалось, что наша сторожка окружена и весь лес наполнен целым роем каких-то страшных чудовищ.

Иногда филин сердито щёлкал клювом у самого окна. Тогда возбуждённые собаки поднимали суматошный вой и рвались с привязи. А филин отлетал в сторону и продолжал настойчиво и горячо кликать свою пару. Ему всё думалось, что вот она выскочит из укрытия и полетит с ним в лес. Он горевал, плакал, звал и злился на друга за то, что тот так долго не появляется.

— Не надо было трогать эту сову! — во второй раз наставительно заметил Кеша.— Не будет добра. Спать не даст, да и всех зверей кругом распугает!

Он вышел во двор, цыкнул на собак, и те покорно затихли. Но едва Кеша вернулся, гомерический хохот раздался на крыше. Зазвенели окна, завыли собаки, и всё началось снова. Какое-то бесовское наваждение чудилось в этом хаосе звуков.

Концерт не утихал всю ночь. Всю ночь вокруг сторожки и в лесу метался и вопил на все голоса расстроенный филин, и всю ночь вторили ему и бесились собаки. Уснуть было невозможно. Лишь к утру, когда затихли обессилевшие и обалдевшие от воя собаки, мы забылись тяжёлым сном.

Днём Кеша пошёл разведать места и ставить капка-

ны, а я занялся обычными в таких поездках делами. Вёл нужные наблюдения, делал записи и препарировал добытых птиц. Целых два часа провозился я с филином. Снять шкурку и привести в надлежащий вид такую большую птицу не так просто. Вскрытый филин оказался старой, рослой самкой. Ведь у хищных птиц самки всегда крупнее самцов.

Днём было сравнительно тихо. Сосед наш, филин, всё-таки боялся людей и избегал яркого света. Он где-то затаился в гуще леса и лишь изредка жалостливое «квеек-квеек» да протяжное «шубуу» раздавалось в различных участках тайги.

Но едва стемнело, как события прошлой ночи возобновились с прежней силой. Дикий, злобный хохот потрясал избушку, тоскливо тявкали, выли и грызлись собаки. Беспрерывное уханье разносилось повсюду. Филин не переносил разлуки, филин искал свою подругу, он скучал, он звал её на своём языке.

— Разгулялся не на шутку! — мрачно заключил Кеша. — Вся тайга ходуном пошла. Видно, знатного ловца хоронят.

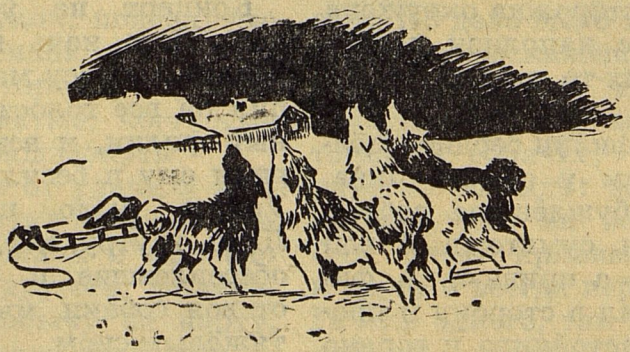
Вторая бессонная ночь сказалась. Издёрганные до одури, с тупой головной болью, поднялись мы с лежанки и, переглянувшись, сразу же решили: «Уедем! Сегодня же уедем! Если останемся ещё хотя бы на одну ночь, то этот горемыка-филин изведёт нас окончательно. Нервы не выдержат!»

— Тем более, — закончил Кеша, — и сидеть тут незачем. Распугал, разогнал он всё зверьё.

Вскоре мелкой рысцой затрусила собачья упряжка, поскрипывая убаюкивала нарта, и всё кругом легло опять на своё место. Стало мирно и безмятежно. Осиротевший филин остался там, в лесу, у избушки один переживать свою потерю.

И теперь, когда я бываю в музее и смотрю на выставленное в экспозиции чучело филина, я вспоминаю, как он достался.

И краснею.



ВАСИЛИЙ Михайлович Ефименко согласился написать для нас не сразу: «Никогда в жизни не писал для детей... Не получится, наверное...» Действительно, В. М. Ефименко — писатель «взрослый». Его несколько рассказов, роман «Ветер богов» адресованы людям старшего поколения. В них говорится о далёкой Японии, о жизни её людей, о лётчиках-смертниках «камикадзе».

Пишет о них В. М. Ефименко не случайно. Он много жил в Японии, знает язык страны, обычаи, нравы японцев. В. М. Ефименко — заместитель председателя правления Хабаровского краевого отделения Общества советско-японской дружбы.

Свои впечатления о последней поездке в «Страну восходящего солнца» он и написал для «Искорки».

Василий ЕФИМЕНКО

ЖУРАВЛИ

ЧЕТЫРЕ темноволосые, черноглазые девочки, взявшись за руки, пели в честь гостей. На их школьных платьях алели пионерские галстуки.

Пели девочки на их родном японском языке и песня называлась «Хиросима—Волгоград».

А гостями далёкого японского города Хиросима были мы, пять советских писателей: Леонид Соболев, Габит Мусретов, Юрий Барабачи, Хамид Гулямов и я. Мы приехали сюда по приглашению Ассоциации японских писателей и, конечно, не могли не посетить Хиросиму.

В этом городе надо бы побывать всем. Его трагедия — пример того, на что способны поджигатели войны.

Когда 6 августа 1945 года над городом появился одинокий самолёт, даже не было объявлено воздушной тревоги. Никто не знал ещё тогда, о страшном оружии массового уничтожения людей — атомной бомбе. И вот — двести семьдесят тысяч убитых, свыше ста тысяч раненых...

Как стало известно позже, никакой военной необходимости в применении атомной бомбы не было. Но американцы всё же сбросили её...

Сегодняшняя Хиросима мало чем напоминает город, созданный ещё в шестнадцатом веке. Улицы её более просторны, чем в других городах Японии — сказалась перестройка после его гибели. Почти всюду в Хиросиме сталкиваешься со словом «Мир». Улица Мира, мост Мира, музей Мира, памятники Мира — всё красноречиво говорит о сокровенном и самом большом желании жителей города.

С большим букетом цветов мы отправились к памятнику жертвам взрыва. Памятник Мира впечатляющ и необычен. Под железобетонной стеной захоронена урна с именами погибших, над ней — полуовальная арка. Подальше, за памятником, стоит здание торговой палаты, которое осталось в таком же виде, в каком оно оказалось после взрыва. Над зданием своеобразным символом траура летают чёрные птицы, свившие гнёзда в развалинах.

Сопровождавшие нас писатели рассказали, что власти намеревались снести это здание: дескать, на его содержание у них нет денег.

На этот необычайный памятник японский народ собрал сорок миллионов иен. Триста тысяч иен послали для этого же советские люди.

Затем больница, где лечатся пострадавшие во время взрыва. Их называют «хибакуся». Директор больницы Фумио Сигэто показывает нам переполненные палаты. Вместить всех, кому необходимо лечение, больница не может.

А четырёх девочек, певших нам песню «Хиросима—Волгоград», зовут Ёсида Тамако, Тамори Сумако, Ямадзуми Киоми и Кувахара Туриэ. Они члены общества «Журавли», а песню пели потому, что школьники Хиросимы дружат со школьниками Волгограда.

Общество «Журавли» возникло после смерти хиросимской девочки Сасаки Садако, трагедия которой облетела весь мир. Это была милая и весёлая девочка. Но ещё ребёнком она попала под атомное излучение во время взрыва. Став уже школьницей, она заболела белокровием и попала в больницу. Силы и жизнь девочки угасали. В то время вообще никто не знал, как бороться с такой болезнью.

Сасаки вспомнила народное поверье, гласившее, что тот, кто своими руками сделает из бумаги тысячу «пуру» — журавликов, может спастись от любой болезни. И она стала складывать их из бумажек, в которых ей приносили лекарства.

Но у девочки не хватало сил, и, узнав о беде Сасаки, тысячи и тысячи детей со всех уголков Японии стали посылать ей бумажных журавликов. Но что могли сделать детские руки и такие беззащитные бумажные «пуру» против атомной бомбы!.. Сасаки умерла.

А в стране стали возникать общества «Журавлей». Руководитель такого общества в Хиросиме Кавамото Игиро рассказал, что в этом обществе участвуют дети с двенадцати лет и старше. В Хиросиме таких ребят немного: шестьдесят—восемьдесят человек. Директора школ запрещают ученикам участвовать в обществе, говоря, что это якобы мешает учёбе.

Общество «Журавли» добровольное. В нём состоят только те, кто хочет активно бороться за мир.

— Молодое поколение, — сказал Кавамито Игиро, — забывает о трагедии войны, но школьники нашего города помнят.

Четыре девочки — черноволосые, тёмноглазые, с алыми галстуками, спев песню, подарили нам гирлянды журавликов. Теперь эта гирлянда «пуру» хранится у меня, как дорогой сувенир человеческой солидарности в борьбе против зла.

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Я УЖЕ давно слыхал, что в Японии, где-то на севере острова Хонсю, есть озеро, куда прилетают на зимовку лебеди с нашего Дальнего Востока. Говоря откровенно, я удивился. Не так уж много на этом острове таких мест, тем более с озером, где могли бы спокойно чувствовать себя эти очень осторожные птицы.

Попав в Японию, я, конечно, постарался увидеть зимующих лебедей.

И вот со служащим мэрии города Ниигата Ичиока-саном мы мчимся на машине по плодороднейшей равнине, где произрастает самый лучший в Японии рис. Равнину пересекает одна из крупнейших японских рек Синано-гава. Повсюду мелькают крестьянские дома, какие-то строения — равнины густо заселены.

Наконец мы, попетляв по улицам города Суинбара, выкатили на окраину, и передо мной как-то неожиданно возникло четырёхугольное озеро Хёко. Берега его были огорожены старыми деревьями японской вишни — сакуры. Около воды виднелась хижина, сколоченная из досок. Мы подкатили именно к ней, и тотчас же в дверях показался пожилой, приземистый человек, в тёплой рабочей куртке и в кепке, плотно натянутой на голову.

— Это Исикава, — подсказал мне Ичиока-сан.

Я уже знал фамилию хранителя озера и с удовольствием познакомился с ним. Мы вошли в хижину, он тут же любезно усадил меня у железной печки, поставил на стол горячий чайник и, как везде в этой стране, предложил чашку ароматного чая. Он охотно, я бы сказал с удовольствием, отвечал на мои вопросы.

Впервые лебеди появились на озере в 1950 году. Очевидно, это были ослабевшие во время перелёта птицы. Почувствовав доброжелательное отношение людей, они с этой поры во всё возрастающем количестве стали прилетать сюда на зимовку.

Первым другом лебедей стал крестьянин Исикава — отец нынешнего хранителя озера. Моему собеседнику сорок пять лет, ухаживать за лебедями ему помогают сыновья. Лебедям Исикава отдаёт всё свободное время, благо зимой в этом районе у крестьян дел мало.

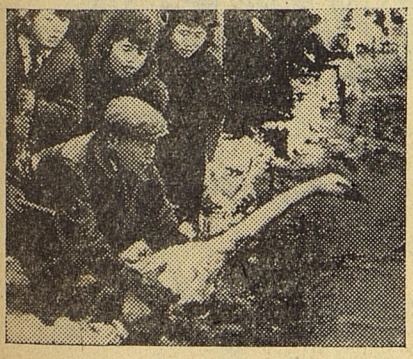
— А сколько обычно прилетает зимовать лебедей? — спросил я.

— По-разному, — ответил Исикава. — В шестьдесят четвёртом году, например, на озере зимовали четыреста пятьдесят три лебедя и несколько тысяч уток.

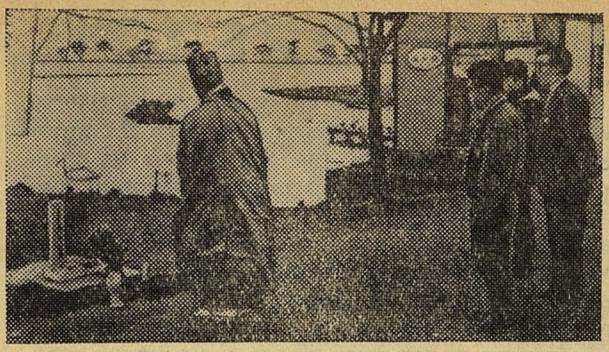
— Но ведь прокормить такое множество птиц не просто?

Исикава усмехнулся:

— Конечно. Корма много надо. Но мы с отцом кормили лебедей за свой счёт только первые два года, тогда их было немного. Потом стали помогать власти города, лебедь даже стал символом Суибара. Сейчас же, когда о лебедином озере стало известно всей стране, корм присылают отовсюду.



Смотритель озера — так теперь именуется служба Исикава в зимнее время — показал мне массу фотографий и везде — озеро с лебедями. Почитание лебедей здесь дошло до того, что если какая-нибудь птица умирает, её хоронят с молитвами, которые читает буддийский священник. У меня на память остался такой снимок.



После беседы Исикава пошёл показать мне озеро. Стоило ему появиться на берегу с плетёной корзиной через плечо и крикнуть: «Кои! Кои!», как со всех концов озера к нему поплыли величавые лебеди, среди которых толпилось множество уток.

Было странно и удивительно смотреть, как такая осторожная и пугливая у нас птица, которая и близко не подпустит человека, так спокойно чувствует себя в небольшом озере на окраине города. Ведь здесь всегда толпятся любопытные, которые издалека приезжают полюбоваться белоснежными красавцами. По сути дела, как немного надо, чтобы прекрасные представители пернатых жили в дружбе с человеком. Наши друзья из Ниигаты это убедительно доказали.

В. ШУЛЬЖИК

КОРОВА

Корова идёт на работу
На пастбище,
По молоко.
Корове не очень охота
Идти далеко-далеко.
Сонлива она и печальна
И движется мимо цветка,
И мальчик —
Коровий начальник —
Глядит на неё свысока.
Корова шагает с работы,
Тяжёлое вымя несёт.
Родные увидит ворота,
Не выдержит и запоёт.
Корова поёт:
— Открывай-ка,
Я всех молоком напою! —
И с ломтиком хлеба
Хозяйка
Встречает корову свою.

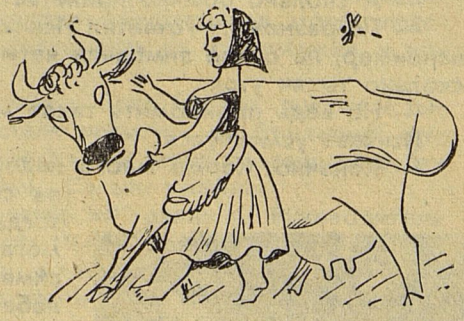


Рис. В. Меньшикова.

Л. СЕМЁНОВ-СПАССКИЙ

Рисунки Ю. Шабанова

ОСТРОВИТЯНЕ

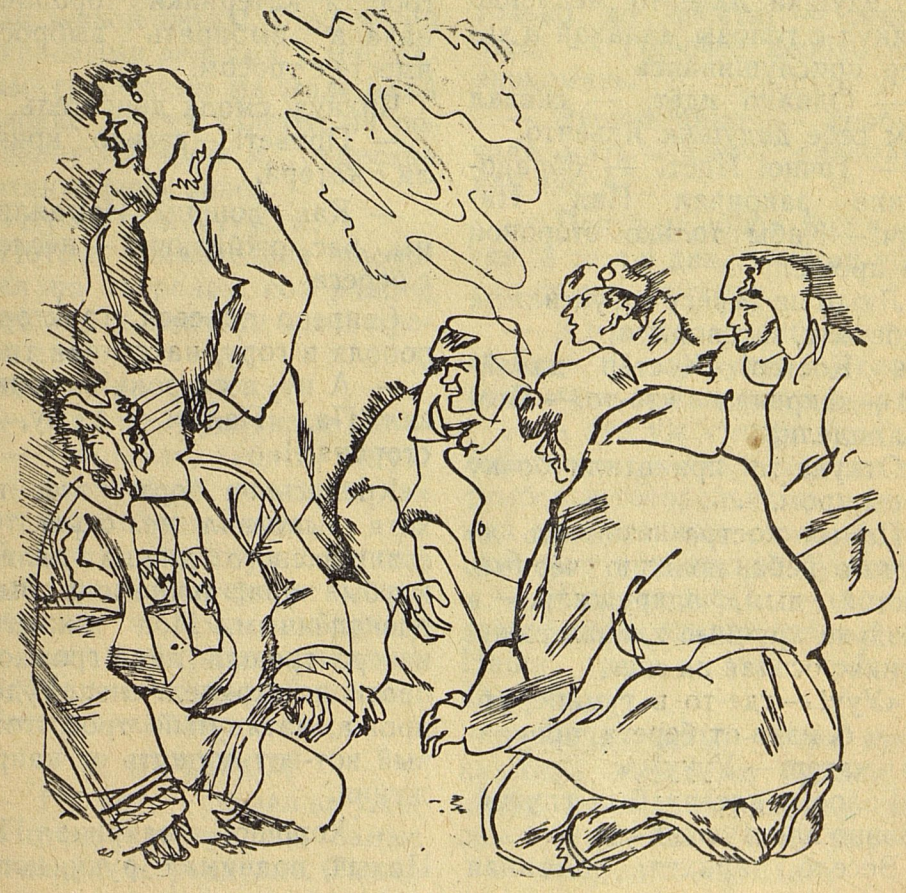
1. ПОСЛЕДНИЙ КАТЕР

Все были на берегу. Даже дедушка Якьенто пришёл, хотя вот уже вторую неделю у него болела поясница и он никуда не выходил из своей фанзы. Дедушка Якьенто надел тёплую пёструю кухлянку и мохнатый малахай, чтобы не простудиться.

Люди развели на снегу костёр и, присаживаясь около него на корточки, горстями забирали тепло. Снег под костром помаленьку таял и таял, и костёр проваливался.

— Однако чайку бы... — сказал дедушка Якьенто. — Шибко холодно.

— И то дело, — поддержал его Пал Палыч, комендант острова. — Пётр! — позвал он Петьку. — Слетай наверх. Принеси чайник из боцманской. Держи ключ!



Низко над морем лежала густая пелена тумана: море парúло. Стоял тихий морозный день.

— Кто со мной? — закричал Петька, спрыгивая с ящика, куда он забрался, чтобы лучше видеть море.

И в этот самый момент над островом завыл ревун.

«Уууу-ууууу! — ревел он. Потом замолк, прислушиваясь. — Уууу-ууу!» — снова позвал он катер, не видимый за туманом.

— А ну-ка тише!.. — Комендант острова отскочил от костра и, подбежав к самой воде, приставил ладонь к уху, прислушиваясь.

Дедушка Якьенто медленно стянул с головы малахай и замер, прислушиваясь.

— Однако идёт, — сказал сам себе дедушка Якьенто.

— Точно! Идёт! — обрадованно закричал Пал Палыч. — Кабы только стороной не прошёл!

Люди на берегу засуетились, забегали, заговорили.

— Костёр! Костёр давайте! — закричал кто-то. — Чтобы видели!

Откуда-то прикатили бочку с соляром.

Пламя костра взвилось до самого неба, повалил чёрный, густой дым, закружились в воздухе крупные хлопья сажи, лениво оседая на снег.

«Ууу! — где-то в тумане, совсем близко от берега, прокричал катер. — Ууу!..»

Голос у катера был глухой, словно простуженный.

Весело тарахтя, подминая снег широкими гусеницами, сверху к берегу торопился трактор СТЗ, волоча за собой длинный стальной трос.

— Ура! Идёт! — Петька размахивал огромным закопчённым чайником. — И-дёт!

«Ууу!» — обрадовался ревун и замолк, успокоившись.

На берегу разворачивался трактор.

«Ууу!» — сказал катер и вынырнул из тумана.

На носу катера стояли люди, белые от инея, как полярники. Они радостно махали руками и что-то кричали.

С катера на берег полетела верёвка с грузом на конце — выброска, к ней прицепили трос, и катерники торопливо начали выбирать выброску вместе с тросом.

Чихнув, смолк двигатель.

— Привет! — весело кричали с катера.

— Как дошли? Измаялись мы, вас ожидаючи! — неслось с берега.

Свирепо заревел трактор и пополз в гору, натягивая трос.

— А ну, в сторону! — приказал Пал Палыч. — А ну, по сторонам!

Кренясь на борт, катер нехотя выползал на берег. От его красного днища валили клубы пара, точно оно было раскалённым. Под тяжестью катера трещал лёд, громко и противно скрипел снег. Гудел, дрожа, натянутый трос, готовый вот-вот лопнуть от напряжения.

— Хорошо! — закричал Пал Палыч, поднимая руку, когда

из воды вылезла приземистая корма катера.

Трос дёрнулся, сдвинув катер ещё на несколько метров, и провис, раскачиваясь.

Кто-то включил трансляцию, и весёлый женский голос запел из заиндевелого репродуктора, висевшего на столбе, смешную песню про футболиста.

С катера сгружали бочки, плоские металлические коробки с кинолентами, большие фанерные ящики.

Один ящик, на боку которого была нарисована чёрная рюмка и написано «Крайний Север», упал. Крышка его отскочила в сторону, и из ящика вышел... петух. Самый настоящий живой петух! С жёлтыми и красными перьями, с массивным гребешком на маленькой головке. Петух взлетел на перевёрнутый ящик и, грациозно вытянув шею, запел:

«Ку-ка-ре-кууууу...»

Потом внимательно посмотрел по сторонам, соображая, куда это он попал, и опять пропел своё:

«Ку-ка-ре-кууууу...»

— Петух! — удивился Петька. — Смотрите, ребята, петух!

— Пе-тух! — повторил за Петькой Володя Оячек.

А петух, спрыгнув с ящика, важно пошёл по снегу, высоко поднимая жёлтые лакированные ноги с острыми шпорами, не обращая на людей ни малейшего внимания.

2. ВЕЧЕРОМ

— Ну, вот, — сказал за ужином отец, — теперь мы самые настоящие островитяне. Самые настоящие. До весны связи с берегом не будет.

Витька шумно прихлёбывал чай из блюдечка. Ему нравилось быть островитянином.

— Так что же и письма приходить не будут?.. — сердито спросила мать из комнаты.

Замигав, стала медленно гаснуть лампочка.

Большие стенные часы, которые они привезли из Херсона, зашипев, пробили десять раз.

Отец засветил пузатую керосиновую лампу. В кухне сделалось уютнее. По стене мелькнула большая тень: кот Антоний вспрыгнул на тумбочку.

— Электричество будет только до десяти, — сказал отец. — Горючее необходимо экономить.

— Экономщики, — пробурчала мать. — Так с письмами как же? А?..

— Почта на сброс. Раз в месяц, а то и в два... — Отец убирал посуду со стола.

— А мы что, на заброс, стало быть, писать будем? — спросила мать, появляясь в дверях.

— А это уж смотря по способностям... — Отец достал из тумбочки готовальню и расстелил на кухонном столе большой лист ватманской бумаги.

— Издеваешься?.. — стоя в дверях, мать качала головой. — Наши там с ума сойдут! Умрут!..

— Рация есть. — Отец прикалывал кнопками бумагу к столу. — Радиограмму дадим. Может быть, и не умрут.

— Издеваешься? Да?..

Отец недоуменно пожал плечами.

За месяц жизни на острове Витька привык к таким разговорам. Он знал, что сейчас мать начнёт говорить о том, что она возьмёт ребёнка, то есть Витьку, и пешком уйдёт в Херсон. А отец скажет, что по воде только Иисус Христос ходить умел. А мать скажет, что она всё равно не может «в лесу жить и пенькам кланяться». Вот этого Витька никак не понимал. Какой на острове лес? Какие пеньки? Здесь не то что дерева, кустика ни одного нет, сплошные камни.

3. КИТ

— Барометр на метеостанции упал, — сообщил утром Петька.

— И... разбился? — испуганным шёпотом спросил Генка.

— Дурак ты! — Петька сел за парту и принялся доставать из портфеля пенал, тетрадки, книги. — Ртуть упала. Давление воздуха увеличилось.

— А я-то думал... — обрадовался Генка, — думал, как же теперь без барометра на метеостанции обойдутся? Барометр — он ведь самый главный на метеостанции. Ещё главнее градусника.

Над островом, лениво раскачиваясь, тихонько позванивали леера. Дул медленный, тёплый ветер. Пахло оттепелью. Светло-серое небо низко висело над морем, казалось, вот-вот оно упадёт и раздавит остров. Солнце пряталось за всклокоченные облака, и день поэтому был тусклым.

— А может, и не будет, ребята, шторма? — спросил Витька, глядя в окно.

— Барометры зря не падают, — категорично заявил Петька. — Барометр — точный прибор, как часы.

— Однако будет пурга, — Володя подошёл к окну. — Смотри, Витя, во-он на то облако, которое на оленя похоже. — Володя указывал на самое дальнее, тёмное облако. — В нём пурга и сидит сейчас. Свернулась, как хитрая собака, и ждёт, глазом своим выглядывает, на кого бы налететь.

— Ох-ха-ха, насмешил! — Генка схватился за живот. — Хо-ха-хо, насмешил, пурга с глазами... Может, и хвост у неё есть?

— И хвост есть! Хвостом она все следы заметает, чтобы человек заблудился. А морда у неё, как у самой злой нартовой собаки. Дедушка мне говорил.

Вошла Мара Павловна.

— К доске, Голубев. Решаем вчерашнюю задачу.

В третьем классе рисовали: Витька рисовал лес, а Генка — корабль.

Витька быстро нарисовал дремучий лес, тайгу и от нечего делать поглядывал в окно. По посёлку ходил дедушка Якьенто и разносил по домам большие деревянные лопаты.

В классе было тепло, но угарно: слишком рано закрыла трубу тётя Поля.

К третьему уроку ветер усилился и сердито засвистел, на-

тыкаясь на леера. Пошёл крупный снег. Снег не падал, как обычно, а летел горизонтально белыми прямыми линиями. То ли от снега, то ли от того, что день подошёл к полудню, в классе посветлело.

— Шторм начинается, — радостно зашептал Генка, — отпустят нас сейчас.

Генка оказался прав.

Мара Павловна подошла к окну и долго-долго смотрела, забыв о классе, на быстрые снежные линии, улетающие за остров, в море. А снег всё летел быстрее и быстрее и заштриховывал и море, и берег.

— Уроки на сегодня окончены, — грустно сказала она, отходя от окна. — Оячека я сама отведу домой. Одевайтесь, ребята.

Отец был уже дома. Он, как всегда, что-то чертил.

— А-а, — протянул он, весело разглядывая Витьку, — вот и последний покоритель Севера явился. Как на улице, сынок? Метёт?

— Ещё как! На ногах не устоять!

— Да ну? — удивился отец. — Неужели не устоять?!

Витька обиженно пожал плечами:

— Не хочешь — не верь.

В комнатах было тепло и сумрачно. Антоний сидел на тумбочке, закрыв глаза и задумавшись:

«Тик-так... Тик-так...» — разговаривали сами с собой часы.

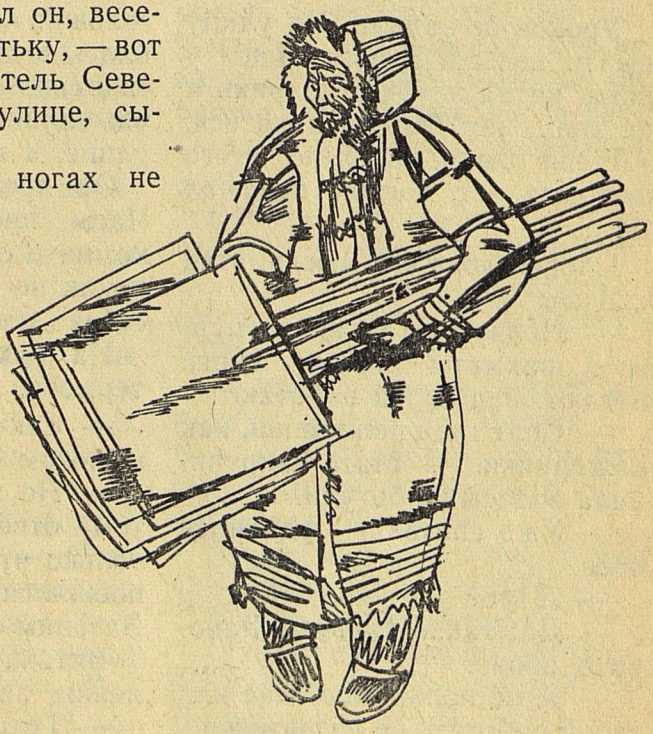
— Обедать будем? — спросила мать.

Вдруг за окном засвистело, завыло, застонало. Что-то загрохотало на крыше. Антоний соскочил с тумбочки и испуганно метнулся под кровать. Витька кинулся к окну, но в белой вихрящейся мгле ничего не было видно. Боязливо вздрагивали стёкла в окнах.

— Шторм, — отец подошёл к окну. — Шторм, — повторил он и погладил Витьку по голове, как маленького.

Из-под кровати вылез Антоний и принялся тереться о ножку стола.

Неожиданно стало очень тихо. Так тихо, что Витька услышал, как где-то далеко, в море, трутся друг о друга льдины. Повалил стремительный,



крупный снег. Снежинки летели, быстро кувыркаясь в воздухе, обгоняя друг друга. Из-за пелены этого торопящегося снега проступила чёрная неуклюжая громада островной радиостанции. Остальных строений различить не удавалось. Бурчало море, взволнованно и раскатисто, точно перекатывая камни в своём горле. Трусливо позвякивали леера.

«Уууу!» — начал было ревун, но неожиданно смолк, словно поперхнулся.

Обед прошёл в молчании.

«Тик-так», — сказали часы и пробили один раз. Был час дня.

Мать завешивала одеялами и платками окна. Только одно окно на кухне осталось незавешенным.

Отец засветил керосиновую лампу.

Уроков не задали. На улицу выйти нельзя. Витька сидел у окна, катал хлебные шарики и не знал, чем бы ему заняться. «Лучше бы и не было этого шторма», — с тоской подумал он.

Словно ловя его мысли, отец сказал:

— Полярники во время пурги в шахматы играют, книги читают, над собой работают.

— Спят твои полярники, как пожарники. — Мать накручивала волосы на бигуди.

— Уже спать? — удивился отец.

— А что?

— Да так... Ничего. Рановато вроде.

— Я не полярница, мне над собой работать не обязательно.

Ветер набирал силу. Пронзительно свистел в леерах и шуршал по стенам. Витьке, глядевшему в окно, казалось, что снег падает не с неба на землю, а наоборот — с земли на небо. Свист ветра постепенно переходил в визг. Ветер, ломясь в дом, наваливался плечом на входную дверь, и она жалобно скрипела под его тяжестью. Ветер топтался по крыше, дул в трубу, и тогда маленькое пламя лампы беспокойно металось, как жёлтая бабочка, посаженная в стеклянную банку. По стенам комнаты двигались таинственные тени.

Витьку клонило в сон: ветер убаюкивал.

«Уууу!» — где-то далеко-далеко жалобно прокричал ревун.

Витька лежал, накрывшись с головой. Он слышал, как скреблась в дверь, в окна пурга и тихонько всхлипывала: видно, уж слишком холодно было на улице, а в дом её не пускали.

Он проснулся от тишины. Часы пробили два раза. В комнате было темно, и Витька никак не мог сообразить: день сейчас или ночь.

На кухне отец пил чай из термоса.

— Сейчас ночь или день? — шёпотом спросил Витька.

— Не знаю, — тоже шёпотом ответил отец. — Я сам только что проснулся. Брр, — поёжился он. — Холодина. Затопим сейчас.

Витька оделся. Влез в валенки, застегнул пальто.

— Готов? — спросил отец,

надевая огромные, как у мотоциклистов, рукавицы. — Пошли.

Снег забил сени. Витька сразу же провалился по колено. Отец отгребал лопатой снег от входной двери.

— Теперь понимаешь, почему все двери на острове во внутрь открываются?

— Нет.

— Ну, гляди. Сейчас поймёшь. — Отец дёрнул дверь. Она глухо заскрипела и поддалась. В сени пополз снег с улицы.

— Ух, ты-ы! — вырвалось у Витьки.

Снега было так много, что он закрывал весь дверной проём.

— А ну, сынок, кинь-ка лопату.

— Туннель копать будем?

— Там видно будет. Сейчас нам бы выбраться...

Увязая по пояс в глубоком снегу, они разбрасывали его лопатами, торопливо выбираясь наверх.

— Ну вот, кажется выбрались. — Отец вытирал носовым платком лоб. — Дымоходом займусь.

Стояла глубокая ночь. Низко висели большие, косматые звёзды. Весь остров был погребён под снегом. Было так тихо, что у Витьки зазвенело в ушах от тишины.

— Шторм бушевал долго?

— Часов тридцать. — Отец закурил, жадно втягивая дым. — А ты, сын, оказался способным парнем по части сна. — Он засмеялся. — Почти двое суток проспал. И подумать только — без воды и пищи! Ге-ерой! — протянул он.

— Смотри! Смотри! — закричал Витька, указывая в сторону домика Семенченко. — А там совсем снега нет!

Домик маячного смотрителя отчётливо вырисовывался в ночи. Ни единого сугроба, хотя бы самого маленького, не было на вершине острова.

— Всё ветром сдуло. — Отец полез на крышу. — Место-то высокое, открытое...

...Вскоре затрещал в печи огонь, весело гудя и постреливая углями. В доме сделалось тепло и уютно. Антоний важно сидел около приоткрытой печной дверцы и мурлыкал то ли от важности, то ли от удовольствия.

Делать было нечего и Витька лёг спать, хотя спать ему совсем и не хотелось. Он ворочался, придумывал всякие занятные истории, которые он расскажет ребятам, когда вернётся в Херсон, и незаметно уснул.

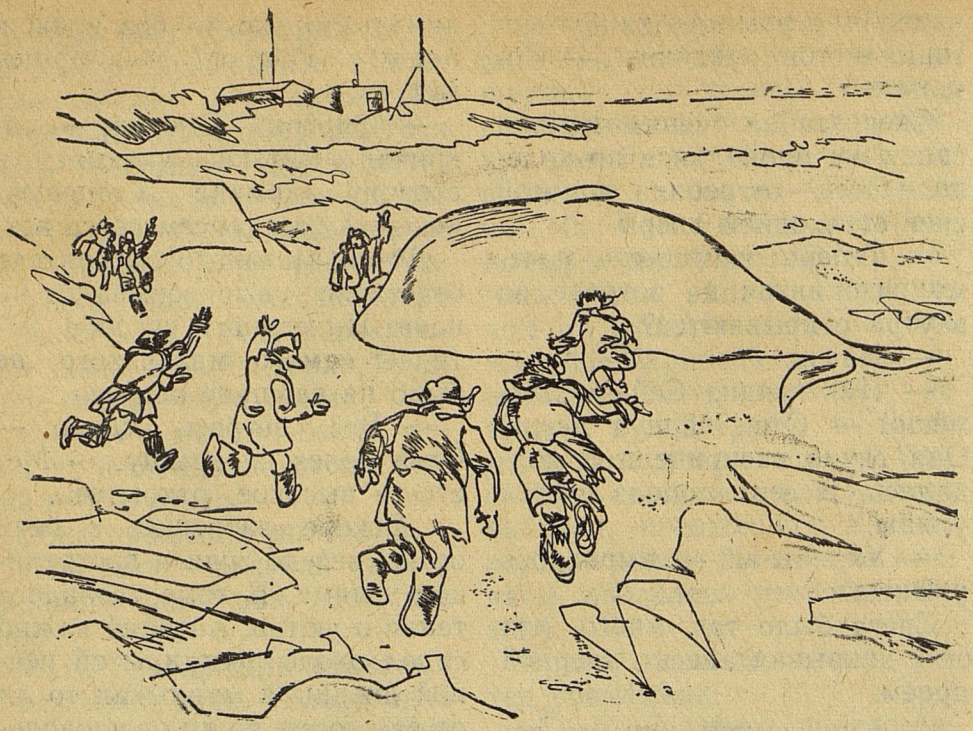
Витька проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза и увидел над собой счастливое Петькино лицо.

— Вставай, соня-засоня, — быстро заговорил Петька. — Вот ты спишь и не знаешь ничего, а шторм настоящего кита на остров выбросил!

Витька мигом вскочил и начал торопливо одеваться.

А Петька рассказывал:

— Кит, понимаешь, на берегу лежит. Ог-ро-о-омный! — Петька даже глаза закрыл. —



Как дом, а может, больше. Весь чернявый. Глаза, — Петька кинулся на кухню и вернулся с большим эмалированным тазом, в котором мать замешивала тесто, — вот такие, — сказал он серьёзно и пощёлкал пальцем по дну таза. — Не вру! А пасть — что ваша кухня.

Ребята выскочили из дома и по траншеям, прорытым в снегу трактором, бросились к берегу.

Петька не врал.

Ещё издали, спускаясь к морю, они увидели что-то очень большое, бесформенное, немного похожее на перевёрнутый баркас. Это и был кит.

Свирепо урча, трактор, злясь, подходил то слева, то справа к киту. Пал Палыч щёлкал фотоаппаратом с магниевой вспышкой.

Шторм взломал припай и унёс его в море. Было время полного отлива, и кит лежал, немного завалясь на бок, прямо на смерзшемся песке, плотно прижав огромные плавники к телу, широко распластав хвост.

— Ай-ай, сколько мяса! — качал головой дедушка Якьенто, постукивая кулаком по грязно-чёрному китовому боку.

— А ну, орлы, верхом на кита! — весело скомандовал Пал Палыч. — Один момент — и вы на плёнке.

На широкой китовой спине уже сидело человек пять поселковых.

Вспыхнула кривая молния магниевой вспышки.

— Внимание! Ещё раз! — Пал Палыч отбежал от кита и опустился на колено, целясь фотоаппаратом прямо в Витьку. — Попробуем без вспышки. Готово!

...После второго урока Витька принялся писать письмо бабушке в Херсон.

Он писал о шторме, о том, что снег до самой крыши засыпал их дом, о ките, которого выбросило море, передавал приветы друзьям и всем соседям.

Письмо получилось большим. Два листа из арифметической тетрадки. Под письмом оставалось немного места, и Витька нарисовал кита. Кит получился не очень похожим, и тогда, чтобы бабушка догадалась, что это кит, он крупными печатными буквами написал: «Это — кит» — и поставил стрелку.

Когда прозвенел последний звонок — письмо было готово окончательно. Оставалось положить его в конверт, написать адрес и опустить в почтовый ящик. И тут-то Витька с ужасом сообразил, что его письмо всё равно раньше весны никуда не уйдёт с острова. Ему стало так обидно, что он готов был расплакаться, но блестящая идея неожиданно пришла ему в голову.

4. РАДИОГРАММА

В большой комнате радиостанции было светло и уютно. Свет падал сквозь широкое, во всю стену, окно. Витька увидел весь остров как на ладони: и берег с сиротливо лежащим катером, и деревянный пирс, и море, синее и гладкое, без единой льдинки.

В комнате пахло канифолью: радист паял.

— Что стоишь? — обернулся радист. — Проходи, садись. Ты по делу или просто так, в гости?

— По делу.

— Великолепно раз по делу. Выкладывай дела.

— В Херсон телеграмму можно дать? — Витька мял в руках шапку, не решаясь пройти в комнату.

— Хоть в Париж.

— Мне только в Херсон.

— Да проходи всё-таки. Чего мнёшься у двери?

Радист положил Витькину шапку на вешалку, помог снять пальто и усадил на крутящийся стул.

— Вот тебе бланки, — сказал радист. — Через час на связь выхожу и радиограмму твою отправлю. Договорились?

Бланки оказались чрезвычайно красивыми. На каждом сверху крупными буквами было написано «Радиограмма», а чуть ниже и мельче — «Рыбпром». Из пачки разноцветных бланков Витька выбрал голубой, так как решил, что голубой цвет самый подходящий для содержания радиограммы. Достал из кармана отцовскую шариковую ручку и быстро написал адрес: «Город Херсон, улица Партизанская, дом 98, Гречко Оксане Петровне». Потом подумал и в скобках написал — «лично».

— Тебе музыку включить,

чтобы лучше думалось? — спросил радист, вынимая из-под стола маленькую пишущую машинку.

— Не.

— Нет так нет. Я хотел как тебе лучше. Думаю, человек городской, южный... Думаю, музыку должен любить.

Витька вертел в руках ручку и не знал, о чём же писать. Телеграмм ему ещё никогда не приходилось давать.

Застучала машинка, медленно, словно разгоняясь, потом всё быстрее и быстрее.

— Написал? — спросил радист, кончив печатать.

— Нет, я не знаю, что писать.

— Вот тебе на! Пришёл давать радиограмму, а что писать — не знает.

— Что́ писать — знаю, — быстро заговорил Витька, боясь, что радист рассердится и не примет радиограмму, — я вот только не знаю как. Я про кита хочу написать.

— Ты, парень, самое главное пиши, и покороче, а потом мы вместе откорректируем. Только суть пиши.

Витька немного подумал и написал: «Дорогая бабушка, здравствуй! У нас был шторм. Наш дом занесло до самой крыши. Мы ночью с папкой еле откопали его лопатами. А ещё шторм выбросил на берег настоящего живого кита. Кит — это такая большая рыба. Ещё больше, чем сарай, в котором тётя Аня держит корову и двух поросят. Ты, наверное, не знаешь, что такое кит, потому что в Херсоне он не водится, но как только наступит весна, я тебе пришлю фото, где я снят вместе с китом».

— Бумага кончилась, — сказал Витька.

— Пиши на другом бланке. Подклеим. Эка беда!

Подумав, Витька начал писать дальше: «Шторм выбросил живого кита, а умер он (слово «умер» Витька зачеркнул и сверху написал «скончался») от холода, потому что был сильный мороз, ещё сильнее, чем в твоем холодильнике ЗИЛ. Питание у нас хорошее».

Писать больше вроде было не о чем. Под радиограммой Витька поставил подпись: «Поликарпов Виктор Георгиевич».

— Вот, — сказал он, подавая радисту два исписанных бланка.

— Ого! — удивился радист. — Ты, как я погляжу, настоящий писатель. Ну-с, почитаем.

Радист углубился в чтение.

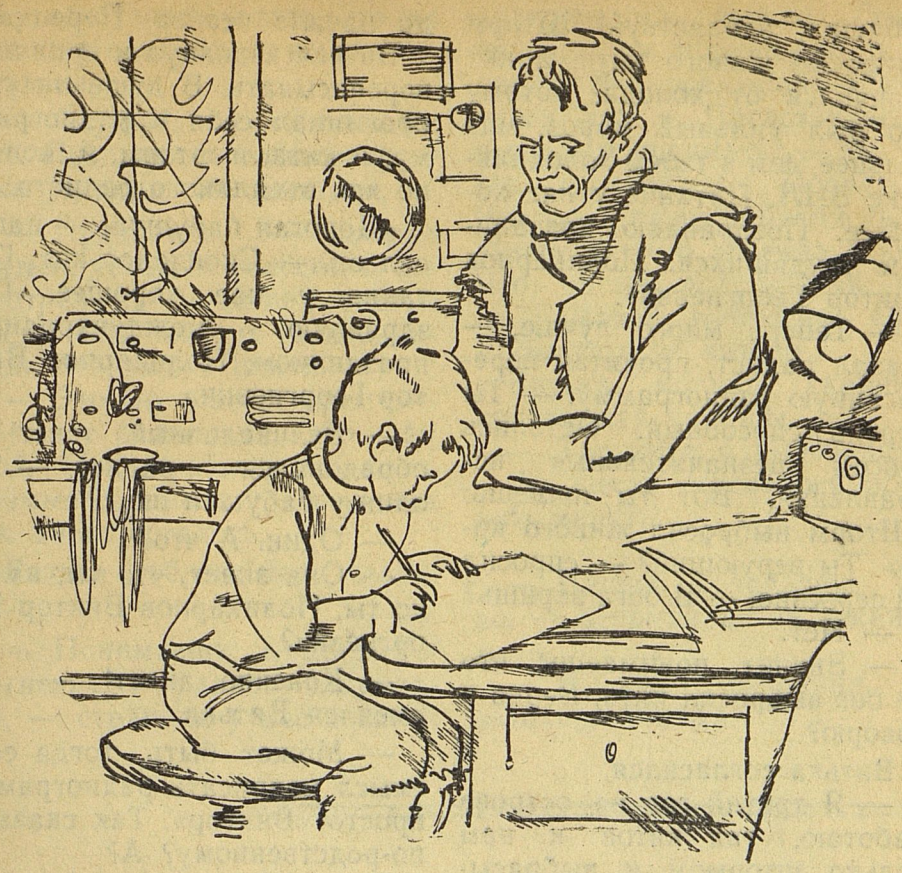
— Ты в каком классе учишься? — Он вынул из пластмассового стаканчика остро отточенный карандаш.

— В третьем.

— Не в ладах с грамматикой? Верно?

— Верно, — вздохнул Витька, и ему стало стыдно. «Отца надо было попросить ошибки проверить, а потом нести радисту радиограмму», — подумал он.

— Так-с, — сказал радист, прочитав радиограмму. — Ты упустил одну существенную деталь. Сегодня пятое число, а



значит, ровно через два дня — праздник. Я бы, на твоем месте, поздравил бабушку. Ей будет весьма приятно. Возьми и допиши поздравление, — протянул он Витьке бланк.

— Пиши, — начал радист, закуривая. — Дорогая бабушка. То есть «дорогая бабушка» — не надо. Это ты уже написал... Значит, пиши: поздравляю международным праздником трудящихся. Желаю здоровья. Написал?

— Ага.

— Молодец! Теперь займёмся корректурой текста. Значит, так. — Радист глянул в бланк. — Значит, так, Виктор Георгиевич. В чём соль твоей радиограммы? Если я правильно понял, то соль, то есть основное, главное в твоей радиограмме, то, что шторм выбросил живого кита и кит, как ты сообщаешь, скончался на берегу. Верно?

Витька кивнул.

— Ну, а если верно, — продолжал радист, — то все остальное, кроме поздравления, несущественно и может быть выброшено из радиограммы, не искажая смысла последней. Возьми новый бланк и перепиши.

Голубых бланков больше в пачке не оказалось, и Витька принялся переписывать радиограмму на белый: «Дорогая

бабушка, здравствуй! Шторм выбросил живого кита, а кит скончался от холода, потому что был сильный мороз, еще сильнее, чем в твоем холодильнике ЗИЛ. Питание у нас хорошее. Поздравляю праздником трудящихся. Поликарпов Виктор Георгиевич».

— Теперь много лучше, — сказал радист, прочитав переписанную радиограмму. — Ты парень способный. Остались совсем незначительные исправления. Вот ты пишешь: «Шторм выбросил живого кита». Ты верующий? — спросил он серьёзно. — В бога веришь?

— Нет.

— Значит понимаешь, что не бог выбросил кита. Верно я говорю?

Витька согласился.

— Я третий год на острове работаю, так китов к нам только штормом и выбрасывает, а следовательно, про шторм не существенно. Так... Читаем дальше. Вот ты пишешь о морозе: «потому что был сильный мороз, ещё сильнее, чем в твоём холодильнике ЗИЛ».

Радист покачал головой и развёл руками.

— Прочитает твоя бабушка, что наши морозы ты с холодильником ЗИЛ сравниваешь, и удивится: за что же северные нам здесь платят, за что отпуска большие дают и другие всякие льготы. Да какой мороз в холодильнике? Один-два градуса. Это разве мороз? Вычеркни про шторм, про холодильник. У нас с тобой ещё целых двадцать минут до начала сеанса. Перепиши.

Витька вздохнул и принялся переписывать. В душе он уже проклинал себя и радиограмму, и кита, и шторм, и, конечно же, въедливого радиста.

«Дорогая бабушка, — написал он. — Скончался кит. Питание у нас хорошее. Поздравляю международным праздником. Поликарпов Виктор Георгиевич».

— Великолепный текст! — обрадовался радист. — Ты один у бабушки внук?

— Один. А что?

— Она знает, что ты, именно ты, Поликарпов Виктор Георгиевич?

— Конечно знает! — засмеялся Витька.

— Может быть, тогда есть смысл подписать радиограмму просто «Виктор». Так сказать, по-родственному? А?

Витьке было уже всё равно. Медленная капля пота катилась по ложбинке между лопатками, в ушах звенело и жужжало.

— Вот так, — радист чиркнул карандашом, — оставляем Виктор. Слушай отредактированный текст. — Он откашлялся. — «Херсон, Партизанская, 98, Гречко. Скончался кит. Питание хорошее. Поздравляю международным праздником. Виктор...» Изменений не будет, надеюсь?

— Про питание вычеркните, пожалуйста, — неожиданно для себя сказал Витька.

— Хорошо. Вычеркиваю.

— Прочитайте, пожалуйста, ещё раз, — попросил Витька.

Ему захотелось узнать, что же всё-таки осталось от его радиограммы.

— Слушай: «Скончался кит. Поздравляю международным праздником. Виктор».

— Правильно, — сказал Витька усталым голосом и посмотрел на большие стенные часы. Часы почему-то показывали без десяти шесть.

— Это московское время, — пояснил радист. — Утро там ещё. Ну, вернёмся к радиограмме. Времени у нас не так уж много осталось.

Витька облегчённо вздохнул.

— Понимаешь, Виктор Георгиевич, — радист задумался, — странная у нас с тобой радиограмма вышла. Очень похожа на шпионскую шифровку. Вот послушай: «Скончался кит...» Представляешь, что могут подумать? — Он потёр затылок. — Послушай, Виктор, а разве бабушке твоей интересно, что скончался кит? Что он её родственник, что ли... Давай выбросим кита. Кабы чего не вышло...

Витька молчал, украдкой поглядывая на часы.

— Так кита я вычеркиваю.

До шести оставалось всего пять минут...

* * *

— Наших поздравить надо, — вспомнила за ужином мать.

— Я уже поздравил, — вздохнул Витька.

Над Амуром—солнце!

(К фотографиям на 2-й и 3-й страницах обложки)

НАД ХАБАРОВСКОМ каждый день — солнце! И зимой солнце, и летом! Круглый год. Солнечных дней там, наверное, раз в десять больше, чем у нас в Ленинграде.

Плывёт по Амуру белоснежный теплоход, гонит волну к мальчишкам, загорающим на берегу. (Фотография на 2-й странице обложки).

Но чтобы радостно и солнечно жилось этим мальчишкам, шли в бои гражданской войны их деды, гремели штормовые ночи Спасска, Волочаевские дни! В том же Хабаровске стоит на площади памятник героям — партизанам Приамурья. Полощется на ветру знамя, руки по-прежнему сжимают винтовки. Это они принесли новую, счастливую жизнь дальневосточной земле. Мирно пасутся сейчас на ней стада оленей. Рыбаки тянут сети с богатым уловом. Тайга полна пением птиц, шорохом пробегающих косуль. А далёкая Камчатка стала совсем близкой: вышка телецентра Петропавловска-Камчатского принимает теперь Москву. И летит песня:

На близкий и советский,
На Дальний Восток!

А. ВЛАСОВ, А. МЛОДИК

ПОДСНЕЖНИКИ

Рис. В. Бескаравайного.

НОЧНОЙ ПЕРЕПОЛОХ

Ночью выпал первый снег. Он был мокрый и тяжёлый. Чуя смену погоды, ворон раскаркался в темноте и разбудил мальчишек. Карпуха прикрикнул на него. Купря замолчал, но братьям больше не спалось. Оба думали о предстоящей поездке в Ораниенбаум. Федька засмеялся в темноте.

— Помнишь, как тот матрос в комнату вбежал?.. Нас увидел — и глаза чуть не лопнули!

— Разозлился, наверно!

— Ещё бы! Трое суток под арестом!

— Возьмёт и не пустит!

— Куда? — удивился Федька.

— К дяде Васе.

— Не имеет права — мы по делу!.. Может, этого Бугасова все чекисты ищут, а он сидит на своём дворе, да ещё лес обворовывает!

От залива долетел приглушённый расстоянием выстрел.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 4 за 1968 г.

— Никак стреляют? — прошептал Карпуха.

Прогремело ещё два выстрела. Внизу заскрипела кровать — это отец встал с постели. Мальчишки скатились по лестнице и ворвались в комнату.

— Стреляют! — крикнул Федька.

— Не глухой, — ответил отец. Он торопливо одевался, а мать зажигала лампу.

Выстрелы следовали один за другим, приближаясь к дому. Тревожно заржал Прошка под навесом. Когда отец и сыновья выскочили на крыльцо, всё стихло. Оставляя чёрные следы, они дошли до берега.

Липкий снег валил густо. Уже за камнем ничего не было видно. Дороховы прислушались. Им показалось, что где-то постукивают вёсла в уключинах. Потом послышались шаги. Подошёл встревоженный Семен Егорович, спросил:

— Не ты стрелял, Степан Денисыч?

— Тут, считай, из трех винтовок били и из одного нагана, — ответил отец.

— По звуку определил?

— Наслушался в окопах... А сейчас будто гребут?

И верно: где-то шуршала и булькала вода. Рядом с камнем вынырнул широкий нос баркаса. Проскрежетав килем по дну, он остановился. Два матроса соскочили прямо в воду, крестом сомкнули руки, а двое других усадили на них пятого матроса. Он то стонал, то ругался такими морскими словечками, что отец крякнул и сказал:

— Ночью-то так, вроде, и не годится.

Тяжело хлюпая по воде, матросы вынесли раненого на берег.

— Чей дом? — спросил один из них, увидев светящееся окно.

— Мой, — ответил отец.

— Веди! — приказал матрос и крикнул оставшимся:— Прочешите берег! Следы на снегу посмотрите!

Семён Егорович вошёл в воду и помог подтащить к берегу баркас, а Дороховы двинулись к дому: отец впереди, мальчишки сзади двух матросов, которые несли раненого, продолжавшего ругаться.

— Контра проклятая! Из рук выскользнул... Ногу продырявил и ушёл, паразит!

— Не ушёл! — успокаивал его другой матрос. — Утонул, должно быть... Я ж ему всю обойму вслед выпустил. Ясно дело, утонул!

Отец остановился и оглянулся на матросов.

— Чего уставился! — рассердился раненый.

— Слышу — знакомые! — сказал отец, вглядываясь в матроса. — Запомнил я твоё «ясно дело»!

— Давай, давай! — нетерпеливо прикрикнул тот. — Кровь же у него хлещет!

Теперь и мальчишки узнали обоих чекистов. Раненым оказался матрос Алтуфьев — тот, который заснул у камеры предварительного заключения.

Дома командование полно-

стью перешло к матери. Она отобрала нож, которым старший матрос хотел разрезать брючину на раненой ноге, и аккуратно засучила штанину. А когда Алтуфьев, проскрипев зубами, начал снова ругаться, она так цыкнула на него, что он замолчал на полуслове.

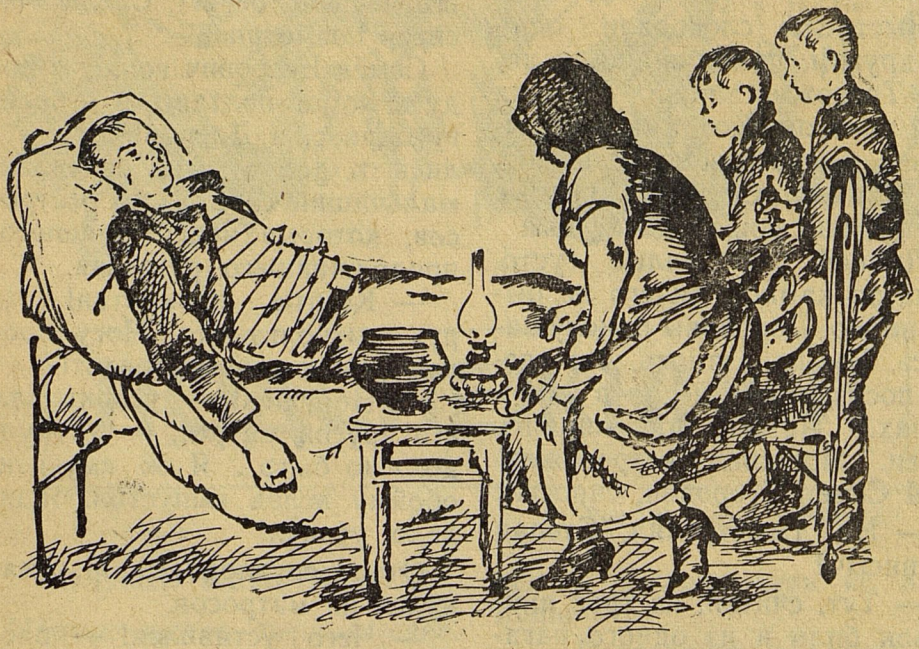
— Кость не задета, — сказала мать, осмотрев рану на икре и сразу же посыпались её

— За кем гнались-то? — задал Карпуха давно мучивший его вопрос.

Матрос посмотрел на мальчишек и сделал страшное лицо.

— С вами я и разговаривать не хочу!

Братья видели, что он не сердится на них. Лицо у матроса быстро разгладилось, и он спросил:



распоряжения: — Федька! Горячей воды из печки — в правом чугуне!.. Карпуха! Марля в комоде, в нижнем ящике!.. Степан! Йод на кухне — в шкафчике!

Старший матрос ушёл вместе со своим товарищем на берег. Алтуфьев перестал скрипеть зубами и, лежа на кровати, следил за руками матери. Похвалил её:

— А ты... не только драться умеешь!

— Как ворон? Каркает?

— Скоро полетит! — ответил Карпуха.

Матрос вздохнул.

— Зато я — что ворон подбитый... Гидра чёртова!.. Если б не снег! Не видно ничего! Выбрал же погодку, подлюга!

Матрос не сказал, что́ это был за человек, почему они хотели схватить его, как очутились ночью в заливе. Он говорил только о самом последнем моменте, когда началась

стрельба. Первым выстрелил из нагана тот человек. Он был в небольшой двухвёсельной лодке. Выстрелил и стал грести изо всех сил, чтобы скрыться. Но баркас снова догнал его. И опять он выстрелил. Эта пуля и ранила матроса. Тогда с баркаса открыли стрельбу из винтовок. Лодка почему-то перевернулась и человек упал в воду. Был ли он ранен или нырнул нарочно — неизвестно...

Через час вернулся старший и три других матроса. Никаких следов на берегу они не нашли. Вероятно, тот человек утонул. В ледяной воде залива, смешанной со снегом, долго не проплывёшь.

Мать напоила матросов чаем. Они решили заночевать у Дороховых.

Алтуфьева оставили на кровати, отец с матерью легли на тёплой печке, а остальные забрались к ребятам на чердак.

Заснули быстро. Только братья не спали.

— Может, и ехать в Ораниенбаум не надо! — шепнул Карпуха Федьке. — Расскажем ему и всё!

— Кому?

— Да старшему!.. А он дяде Васе передаст. Думаешь — нет?

— Передаст! — согласился Федька. — Только как?.. Расскажет, а про нас — ни слова! Будто сам узнал!

— Ясно дело! — послышалось в темноте. — Прикарманю ваши заслуги! Обязательно прикарманю!

После этого раздумывать было нечего. Мальчишки придвинулись к матросу и всё рассказали про Бугасова.

Рано утром раненого перенесли на баркас, к корме которого была привязана лодка того человека. Дороховы провожали их. Ребята недоуменно переглядывались. Они думали, что матросы так просто не уедут, что перед отъездом они пойдут к Бугасову и если не заберут его, то по крайней мере обыщут весь дом. Но Зуйко — старший матрос — о Бугасове и не вспомнил.

Выждав удобный момент, Федька спросил у него:

— А про того-то забыл?

— Замётано! — матрос подмигнул и добавил так, чтобы слышали все Дороховы: — Если что — звоните в Рамбов!

— Откуда? — спросил отец.

— На полустанке есть телефон... Спасибо за приют!

Алтуфьев приподнялся в баркасе на локте и сказал матери:

— Быстро заживёт — выпьем за твои руки! Привезу самогору...

Он всегда называл самогон самогором и за это получил прозвище Самогор.

УТОПЛЕННИК

Купре устроили торжественные проводы. Семья Дороховых собралась на чердаке. Были приглашены и Гриша с Яшей. Мать дала Карпухе кусок варёной крольчатины. Он разрезал его на ломтики и добавил в тарелку хлеба.

Все стояли и смотрели, как ворон склёвывает последний в

неволе завтрак. Купря не стеснялся. Когда попадался кусочек побольше, он поднимал клюв кверху, чтобы легче было глотать, и крутил головой, точно удивлялся: по какому случаю собралось вокруг него столько народу.

Покончив с завтраком, он привычно перелетел Карпухе на плечо.

Федька открыл окно. Карпуха шевельнул плечом.

— Гуляй!

Ворон ущипнул его за ухо.

— Гуляй! — повторил мальчишка и подошёл к окну.

Купря соскочил на подоконник, посмотрел вниз — на скованную лёгким морозом землю, глянул на небо, на берёзу с двумя вороньими гнёздами, каркнул, расправил крылья, помахал ими, будто пробовал, работают ли они, и легко взмыл в воздух.

На берёзе загалдели: ругались или радовались — кто их, ворóн, разберёт? Купря уселся на самую макушку дерева, посидел, подумал, заскакал вниз по голым веткам и смешался со своими чёрными собратьями. Драки не произошло. Значит, его приняли в новую семью.

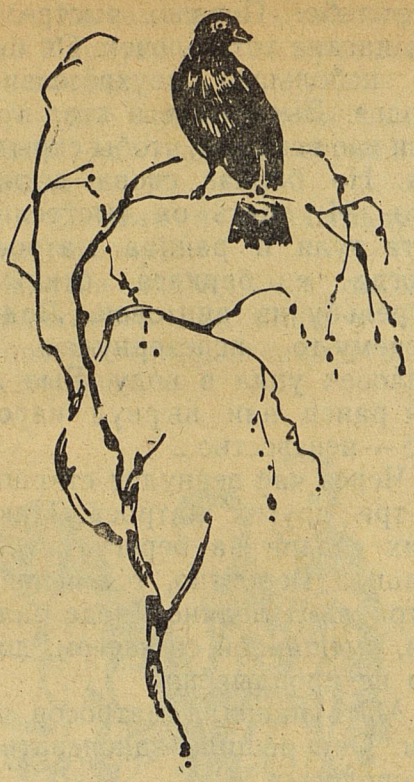
— Живи сто лет! — сказала мать.

Всем было радостно и немножко печально. Федька закрыл окно. Яша взял Карпуху за руку, пожал её.

— Хороший ты!..

— Скажешь ещё! — смутился Карпуха. — Жить-то ведь всем охота!

На берёзе снова закаркали.



— Это Купря! — забеспокоился Карпуха и распахнул окно.

Все вороны подхватили карканье Купри. Мальчишка долго не мог понять, с чего они раскричались. Потом он увидел Семёна Егоровича, который подходил к их дому.

Отец с матерью поспешили вниз. Они всё с бóльшим уважением относились к соседу. Без его помощи Дороховым пришлось бы туго.

— Достал я вам на день телегу, — сказал Семён Егорович. — До вечера возика три привезёте. Моих ребят можете взять.

Отец усадил Гришу и Федьку на лошадь и повёл её в деревню, к дому, в котором Семён Егорович договорился на-

счёт телеги. Прямо оттуда они собирались ехать в лес за дровами. Младших мальчишек отец не взял с собой.

Карпуха с Яшей ещё полчаса крутились около берёзы, смотрели на ворон, спорили, но так и не могли решить, здесь ли Купря или улетел. Потом они пошли к берегу. Снег лежал лишь кое-где. Мороз застеклил лужи и выбоинки, наполненные водой. А на заливе не было ни льдинки.

— Пройдём по кромке — посмотрим, — предложил Яша. — Что найдём — пополам!

— Тебе Гришка даст пополам! — усмехнулся Карпуха.

— Ты думаешь — он жадный? Не-а!.. И ничего ему не надо... И мне ничего не надо. Это так — для интереса... Скучно же весь день ничего не делать.

— Нам матрос Зуйко сказал, что скоро школу откроют.

— Школу? — обрадовался Яша.

— Настоящую!.. Будем вместе ездить!

— Я во второй пойду! — похвастался Яша. — Я в гимназии один класс кончил. А Гриша — тот в третий пойдёт... Если бы ничего худого не было, я бы уже в четвёртом учился!

— Мало ли что если бы! — проворчал Карпуха.

Ему хвастать было нечем. Ни он, ни Федька не кончили и первого класса. Мать научила читать по складам.

— Вы что — до революции в городе жили? — с завистью спросил он.

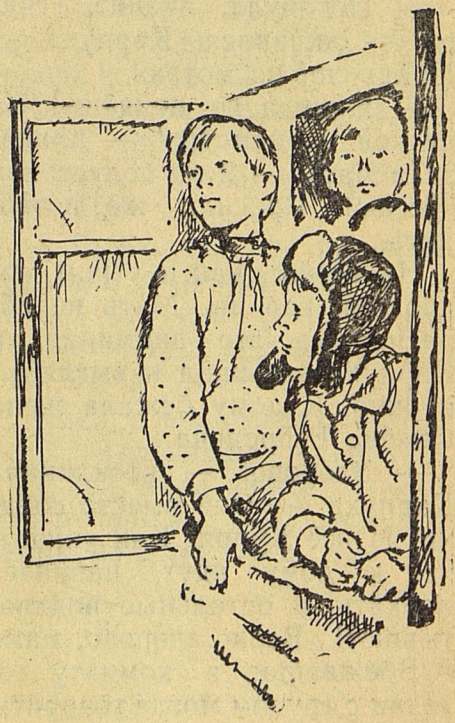
Яша не ответил.

— В каком городе-то? — снова спросил Карпуха.

— Лежит! — сказал Яша и пошёл быстрее.

Впереди у самого берега в воде чернело что-то продолговатое, бугристое. Мальчишки побежали, остановились и с перепуганными лицами потихоньку, маленькими шажками подошли поближе. В воде лежал утопленник. На нём была матросская одежда. Смотрели в небо тусклые остановившиеся глаза.

Яша как-то странно простонал и, не сказав ни слова, побежал к флигелю. Карпуха растерянно посмотрел по сторонам и бросился к своему дому.



— Мам! Мам!.. Утопленник! Мам!

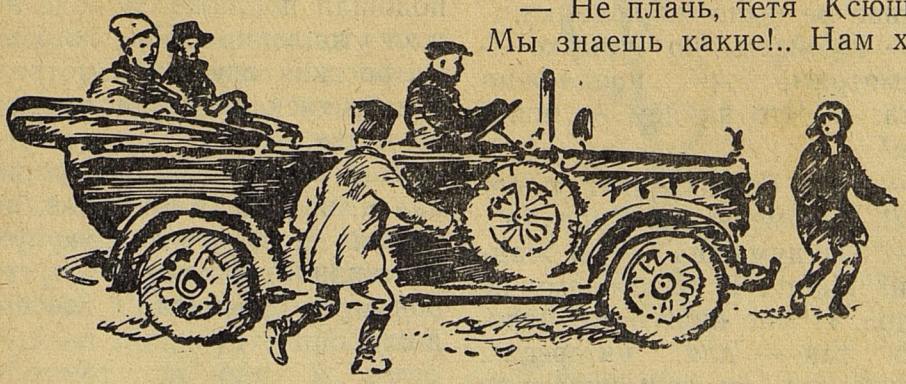
Мать хлопотала у печки. Поставив в угол ухват, она спросила недоверчиво:

— Какой ещё утопленник?

— Там!.. На берегу!..

— А не тот ли это выплыл, — произнесла она, — за которым ночью гнались?

У Карпухи отлегло от сердца. Конечно, это тот! Как он сразу не догадался?



— Потонула, значит, гидра! — оживился Карпуха. — Пойду ещё посмотрю!

— Никуда не пойдёшь! За печкой присмотри! — приказала мать. — Я на полустанок сбегаю! Просили же позвонить...

На берёзе, как и утром, закаркали вороны. Мать не обратила на это внимания, а Карпуха услышал и выглянул в окно. К дому бежала жена Семёна Егоровича.

— Здóрово! — воскликнул Карпуха. — Они вместо собаки! И всё Купря! Как увидит, что к дому идут, начинает каркать, а остальные подхватывают!.. Верно здóрово, мам?

Вбежавшая в комнату соседка с трудом могла говорить. Из её сбивчивых фраз, прерываемых всхлипываниями, Дороховы поняли, что Яша упал с лестницы и разбился.

— Умирает! Сыно-о-ок умира-ает! — голосила она.

Мать заторопилась.

— Побежала! И доктора попрошу привезти!

Карпуха не знал, что делать с бившейся в истерике женщиной. Он погладил её по волосам.

— Не плачь, тётя Ксюша!.. Мы знаешь какие!.. Нам хоть бы что! Упадём — и... ничего! Поболит и пройдёт!

Соседка рыдала, кусала пальцы, билась лбом о скамейку. Тогда Карпуха плеснул ей на затылок холодной воды. Это помогло. Женщина поутихла. Через минуту она встала и, придерживаясь рукой за стену, вышла из дома. Мальчишка видел, как она, пошатываясь, брела к своему флигелю.

Карпуха хотел побежать за ней, но в печке было полно дров. После пожара он очень боялся огня. Не доглядишь — и спалит всё. А помочь Яше он всё равно не мог. «Как же он упал?» — подумал Карпуха и вспомнил крутую, похожую на корабельный трап лестницу. С неё упасть нетрудно. И высо-

ко! Грохнешься—не одну кость сломаешь! И представилось Карпухе, как Яша вбежал во флигель, чтобы сказать про утопленника. Отец с матерью были, наверно, наверху. Он кинулся на лестницу, поскользнулся и полетел вниз...

Через час, когда все Дороховы собрались во флигеле, Семён Егорович дрожащим голосом рассказал, как произошло несчастье.

— Слышу, топочет! Обернулся — он поднимается из люка и лица на нём нету! Только встал на ноги, хотел что-то сказать, пошатнулся и — вниз!

Яша лежал на кровати в нижней комнате. Он был без сознания и дышал так, точно бежал в крутую гору. Гриша сидел в ногах, молча глядел ему в лицо и невольно дышал так же часто и прерывисто, как и брат. Мать прикладывала ко лбу Яши мокрые полотенца.

— Он головкой... головкой, — приговаривала она.

На улице требовательно просигналил автомобиль. Федька с Карпухой выбежали из флигеля. Машина стояла у дома Дороховых. На берегу вокруг утопленника, вытащенного из воды, уже собралась толпа.

— Сюда! Сюда! — заорал Карпуха.

Люди в машине услышали, и она медленно двинулась к флигелю. Мальчишки встретили её на полпути. Рядом с водителем сидел Крутогоров, а сзади — Зуйко с каким-то человеком в штатском, вероятно врачом.

— Зовёте, а дома — никого! — проворчал Крутогоров. — Где и что тут у вас?

— Яша в том доме! — заторопился Федька. — А утопленник там, на берегу, где люди!

— Газуй! — приказал Крутогоров.

Водитель подрулил к флигелю. Человек в штатском быстро вошёл в дом, а машина, подпрыгивая на буграх, спустилась к морю и по смерзшемуся песку подкатила к толпе. Братья побежали туда же.

Утопленник лежал на берегу. Бушлат распахнут. На груди — размытые следы крови.

— Молодой, — с сожалением произнёс кто-то. — Жить бы да жить ещё!

— Все поляжем! — пробурчал Бугасов. — Бьют без разбора! А кто не от пули, тот от голода подохнет!

Крутогоров взглянул на Бугасова, опять посмотрел на мёртвого, спросил у Зуйко:

— Тот?

— Будто тот, — не очень уверенно ответил матрос. — Ночь... Да ещё снег валил... Только кому ж другому?

— Несите в машину.

Зуйко с водителем подняли тело. Тельняшка задралась. Под ней была видна батистовая рубашка с выпуклым вензелем из двух букв: «А. Г.».

(Продолжение следует)

ЗНАЧКИ РАССКАЗЫВАЮТ

Я никогда не был в Японии. И всё-таки рассказывать об этой стране я могу часами.

Дело в том, что я собираю значки. Только японские. Через них-то я и узнаю о жизни наших соседей. Вы только не думайте, что маленький, холодный, металлический значок лишён речи. Ещё как рассказывает! Попадётся он в руки — вот и начинаешь листать книги, расспрашивать знающих людей, искать по географическим картам, справочникам... Так и узнаёшь страну. Я даже думаю, что, если бы мы с вами вдруг приехали в Японию, я бы, наверное, смог быть для вас немножечко гидом. Хотите попробовать? Тогда — поехали!

1

Начнём с Токио — столицы «Страны восходящего солнца». Это крупнейший из городов мира: в нём живёт одиннадцать миллионов человек! Мы как раз попали на праздник. Он так и называется: «Праздник большого Токио». Вот и праздничный значок — весёлый каппа со смешным птичьим профилем (рисунок 1). Заложив одну лапу за спину, второй он приветствует любопытных. Очень забавны эти обитатели сказочного подводного царства. Каппы — это «водяные». Малюсенькие существа. Кожа у них очень гладкая, и, вдобавок к этому, она может менять свою окраску в зависимости от цвета окружающих предметов. Их лапы похожи на наши руки и ноги, только между пальцев — перепонки: ведь каппы же «водяные»!.. На голове у них вместо рта и носа — клюв, а на макушке — небольшое углубление, размером с блюдце. По преданию, чтобы каппа не погиб, нужно, чтобы в этом «блюдце» постоянно была вода.

2

Японцы любят капп. Наделили их сметливым умом и весёлым нравом. На одном из значков, выпущенных к Токийской олимпиаде (рисунок 2), мы снова встречаемся с улыбающимся каппой, облокотившимся на трибуну в виде японского олимпийского флага.

3

А теперь поедемте дальше. В Японии много больших городов. И находятся они близко друг от друга. Порою трудно проследить границу одного города и начало другого. Так, Токио на севере граничит с Кавагути, а на юге через Кавасаки с Иокогамой. Оба эти города, а также Осака, Нагоя, Киото, Маэбаси и другие имеют свои значки.

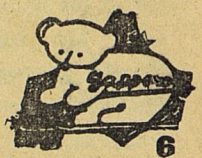
4

Но их имеют не только города. Даже японские школы имеют свои значки. То это трёхлучевая звезда, зелёная с белым Ф-образным иероглифом в центре, указывающим на то, что школа «средняя». То это пятилучевая звезда, образованная пятью собранными

воедино синими с белой короной вершинами, — пять Фудзи! То это шестилучевая красная звезда. Есть значки, посвящённые поступлению в школу, и есть в честь окончания её. Далее некоторые японцы идут в повышенную школу. Вот и значок поступления туда (рисунок 3).

5

Есть в моей коллекции значок детской художественной выставки, организованной газетой города Тояма. Детский хор этого города тоже имеет свой значок. А фирма «Сакура» выпускает цветные карандаши и... значки-подарки. Их вручают тому мальчику или девочке, которые займут призовое место на выставке рисунков.



6

Японцы очень любят и берегут природу. Я слышал, что в Японии есть даже «Праздник зелени». Вот и значок, выпущенный государственным обществом по озеленению (рисунок 4). На нём надпись: «За естественные парки! Все могут это делать!» И, конечно, неспроста на многих значках можно встретить изображение гор (чаще всего священной горы Фудзи), цветов: то это венчик сакуры, то золотой эдельвейс, а то и коралловая ветвь, как на значке Окинавы. Конечно, в городах эдельвейса не встретишь. Для этого надо ходить в туристские походы. И как тут не откликнешься на призыв, начертанный на значке: «Давайте ходить пешком!» (рисунок 5).

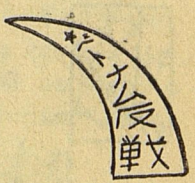
7

Любят в Японии и спорт. Город Саппоро — столица будущих зимних Олимпийских игр — поместил на свой памятный значок смешного медвежонка на лыжах (рисунок 6). Это не случайно: город славится лыжными базами.

В Японии очень высоко развита промышленность. Страна занимает одно из ведущих мест по производству промышленной продукции среди стран капиталистического мира. Но легко ли от этого её рабочим?

8

На одном из значков, очень простом, на белой прямоугольной пластинке четырьмя строчками иероглифов написано: «За снижение цен на товары! За повышение заработной платы! За мир! Долой войну! — Объединение связистов». Такие значки можно увидеть на куртках бастующих. Вот другой значок, на нём надпись: «Против рационализации производства!» Да-да, именно против рационализации! Потому, что каждая новая высокопроизводительная машина лишает работы десятки и сотни людей.



9

Ещё значок: голубь распростёр крылья над терриконом, внизу цифра — 313. Это скорбный значок: его выпустили в память 313 шахтёров, заживо погребённых в обвалившемся забое (рисунок 7).

Всё чаще японские рабочие выходят на улицы, повязывая головы белыми повязками, испещрёнными иероглифами: «Запретить американским подлодкам вход в порты Японии!», «Прекратить войну во Вьетнаме!» Те же призывы можно прочесть и на значках.

10

Японцы хорошо знают, что такое война. Им пер-

11

вым пришлось испытать ужас атомной бомбардировки.

...Лопнул гигантский огненный шар и на ступеньках банка «Сумито» отпечатался моментально испепелённый человек.

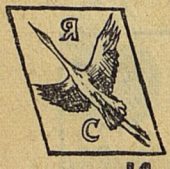
Чтобы этого больше никогда не случилось, каждый год в Хиросиме в годовщину бомбардировки проходят всемирные конференции по запрещению ядерного оружия. Их много — значков, посвящённых памятным противоатомным конференциям. Вот один из них (рисунок 8). На других — изображение знаменитого «атомного дома», взрыв бомбы, призывы к миру.

12

Трудовая Япония борется против войны. «Нет!» — гласит надпись на чёрном силуэте подводной лодки. «За мир во Вьетнаме!» — написано на другом (рисунок 9). «За мир и дружбу между народами!» — призывает третий (рисунок 10).

13

И прежде всего, японские рабочие, крестьяне, студенты хотят дружить с нашей страной. Значок из двух сплетённых букв «Я» и «С» (рисунок 11) принадлежит Обществу японо-советской дружбы. В прошлом году это общество отмечало своё десятилетие. Живым символом крепнущей дружбы между нашими странами стали города-побратимы. Первыми городами-побратимами стали Ленинград и Осака. Вот какой значок выпустили японцы в честь этого события (рисунок 12). А значок на рисунке 13 посвящён первой встрече женщин Японии и СССР в Ленинграде.



14

В 1964 году город Ниигату постигло большое бедствие: сильное землетрясение разрушило большую часть города. Тысячи людей остались без крыши над головой. Первыми руку помощи пострадавшим протянули советские люди, жители нашего Хабаровска. В Ниигату были посланы тысячи кубометров строевого леса. Эти города тоже стали побратимами. А в августе прошлого года в Хабаровске проходила третья встреча японо-советской общественности. Вот её памятный значок (рисунок 14).

15

Долго можно рассказывать о значках моей коллекции — у меня их более трёхсот. Каждый по-своему красив и интересен, за каждым — своя история. У меня пока нет, но я уже видел японские значки, выпущенные в честь 50-летия Великого Октября и в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. А два значка лежат в моей коллекции рядом: значок 45-летия Коммунистической партии Японии (рисунок 15) и значок японской детской организации — «бумажные журавлики» (рисунок 16). Японские ребята — тоже мужественные и стойкие борцы за мир, за дружбу между народами.

16

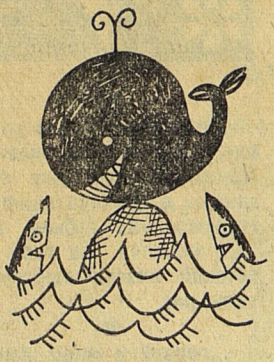
Вот и закончилось наше небольшое путешествие по Японии. Если вы тоже собираете значки — пригласите меня. Готов идти в любой маршрут с товарищем-коллекционером.

В. БОРЩЕВСКИЙ

НЕОЖИДАННЫЙ «ГОСТЬ»

В Углегорске, расположенном на побережье Татарского пролива, местные жители заметили метрах в тридцати от берега какое-то странное животное. Изредка оно поднимало голову и выбрасывало мощный фонтан воды. Сомнений быть не могло — на отмели находился кит.

Весть о необычном «госте» разнеслась быстро. На берегу собралась толпа. Люди с интересом рассматривали животное. Оказалось, что на отмели находится



кит-бутылконос — представитель семейства клюворылых китов. К вечеру животное затихло, и его с помощью бульдозера вытащили на берег.

Каким же образом морской гигант оказался на отмели? Специалисты заявили следующее:

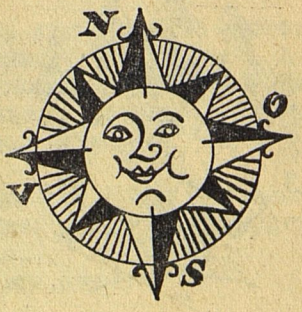
— Мы имеем дело с редким случаем, так как бутылконосы в водах Сахалина не водятся. В это время года они обычно находятся в южных морях. Здесь чаще встречается кит-минкет — постоянный обитатель Японского моря. Бывает, спасаясь от преследований своих хищных родичей — касаток, они выбрасываются на прибрежные отмели. Возможно, что и в данном случае всё произошло именно так.

НА ЧЁМ ЕЗДЯТ УДЭГЕ?

Много самых разнообразных видов транспорта используют коренные жители Дальнего Востока — нанайцы, коряки, нивхи, удэге. На первом месте, разумеется, нарты. История их насчитывает тысячелетия. Было время, когда таёжным охотникам приходилось самим запрягаться в них. Потом появились оленьи и собачьи упряжки. В некоторых таёжных сёлах, в порядке эксперимента, запрягают даже... медвежат!

В каждом далёком поселке на берегу реки летом можно увидеть целые флотилии берестяных и долблёных лодок, часто с подвесными моторами новейших марок.

Старинные виды транспорта уживаются с самыми современными. Обычным средством сообщения стали на Дальнем Востоке самолёт и вертолёт. Широко используются аэросани.



ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

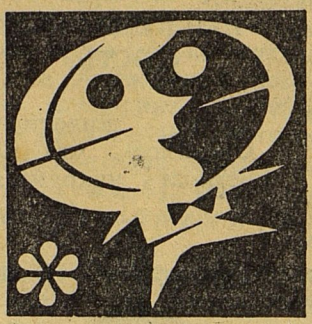
...знаменитая цветная камчатская норка, которую разводят у подножия вечно дымящегося вулкана в Авачинском зверосовхозе, получила всемирное признание? В этом году в Лондон на Международный пушной аукцион отправлено 33 тысячи таких шкурок.

★

...раньше на Крайнем Севере нашей страны жизнь замирала от бездорожья? Теперь там строят временные снежные дороги, так называемые «зимники». На северо-востоке страны создана самая большая такая дорога. Она соединила берега двух океанов — Ледовитого и Тихого. В Якутии общая протяжённость «зимников» составляет почти 10 тысяч километров. По этим временным дорогам движутся мощные автомобили. Они везут оборудование, топливо, цемент для новостроек.

★

...Дальний Восток называют «таёжной аптекой»? Только в Уссурийской тайге произрастает свыше 250 видов растений, обладающих целебными свойствами. Королём природных богатств является «корень жизни» — женьшень.



★

...с каждым годом растут масштабы добычи золота в Приморье? На уже переданных в эксплуатацию месторождениях добыча ценного металла за годы Советской власти выросла в семь раз.

★

...первой в мире женщиной — капитаном дальнего плавания является Анна Ивановна Щетинина? Первый самостоятельный рейс она совершила в 1935 году. С того времени ей приходилось водить суда в Арктике, не раз пересекать Тихий и Индийский океаны. Последние три года Анна Ивановна водит океанские суда Дальневосточного пароходства, одновременно обучает молодых мореходов, будучи доцентом Высшего инженерного морского училища имени Невельского.

★

...необычно провели свои зимние каникулы студенты Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки? Они побывали в заполярном городе Норильске, где в рабочих общежитиях, цехах предприятий и домах культуры дали 35 концертов-бесед. Участники «заполярных каникул» намечают летом продвинуться ещё дальше на север — до Диксона.

★

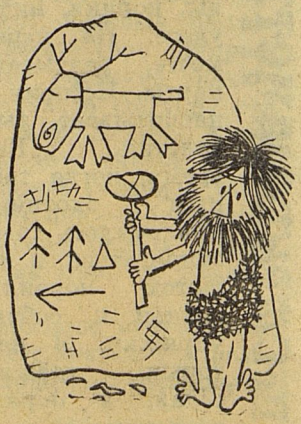
...во Владивостоке развернулось строительство фарфорового завода, который обеспечит своей продукцией весь Дальний Восток? Сырьё для завода местное. Липовецкое месторождение тугоплавких глин пригодно для производства разнообразных фаянсовых изделий.

★

...запасы природного газа в Советском Союзе определяются астрономической цифрой — 60 триллионов кубометров? Это треть всех запасов «голубого топлива» на земном шаре.

★

...за Полярным кругом, на Чукотке, обнаружены самые северные наскальные рисунки (петроглифы)? Творчество древних художников впервые увидели геологи. Они прислали в Сибирское отделение Академии наук СССР фотографии изображений, обнаруженных на береговых обрывах речки Печтымель. Среди них — фигуры оленя и охотников. Учёные по манере исполнения отнесли рисунки к периоду неолита.



ПОИЩИТЕ НА КАРТЕ

В каждом из этих маленьких ребусов зашифровано одно слово — географическое наименование.

Одни из них вам известны, другие, может быть, — нет... Проверьте себя по карте.

ЗАДАЧА БУКВ

Замените чёрточки буквами, чтобы у вас получился столбец из тринадцати пятибуквенных слов:

— ОМО —

— АМП —
— ВРА —
— ЕСТ —
— ЛЧИ —
— АВО —
— ИНД —
— ОСО —
— ИСС —
— РБИ —
— АПО —
— ЗЕР —
— ОТЯ —

Подбирать слова нужно с таким расчётом, чтобы первые и последние буквы их при чтении сверху вниз сложились в слова...

«ЛИШНЕЕ» СЛОВО...

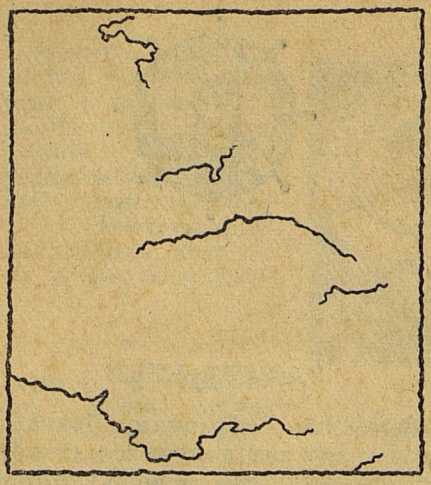
Эти имена подобраны с известным смыслом:

Крашенинников, Атласов, Арсеньев, Юнкер, Дежнев, Москвитин, Поярков, Стеллер, Чириков, Бошняк.

Но одно из них — как бы «лишнее» в нашем ряду, не подходит к остальным...

Найдите это имя.

НА ЛИСТКЕ КАЛЬКИ



Перенесите наш рисунок на кальку.

Прямоугольный кусочек кальки с рисунком можно сложить так, что на просвет вы увидите хорошо знакомые очертания...

Догадайтесь, как именно нужно для этого сложить листок, — поищите...

Итак, **что перед вами?**

ПО ТРИ БУКВЫ

Из приведённых ниже слов нужно выбрать из каждого по три смежные (рядом стоящие) буквы, делая это так, чтобы выписанные буквы сложились в название города на Дальнем Востоке:

Знакомство, сомнение, кольцо, выпускник, Валаам, бурелом.

Содержание:

Дальний и близкий. Статья Бориса Некрасова 1
Лукошко. Самолётная сказка. Не трогайте тигров. Стихи Роальда Добровенского . . 6
Белорусский моряк, японский веер и сахалинские мальчишки. Рассказ Б. Копалыгина 8
Жук-усач. На катке. Стихи В. Морозова 11
Стихи Людмилы Миланич 12
Первая охота. Рассказ Геннадия Голышева 14
Н-ский гарнизон. Стихотворение Сергея Посниченко . . 24
Кошкин дом. Рассказ В. Шульжика 25
Июнь. Стихотворение Л. Шкавро 28
Филин. Рассказ В. Яхонтова 29
Журавли. Лебединое озеро. Очерки Василия Ефименко . 33
Корова. Стихотворение В. Шульжика 36
Островитяне. Отрывок из повести Л. Семёнова-Спасского 37
Подснежники. Продолжение повести А. Власова и А. Млодика 50
Значки рассказывают. Статья В. Борщевского 58
Пёстрые заметки 61
Клуб смекалистых ребят . 63

На **1-й странице** обложки рисунок художника П. Вискова **«Гудят провода»**.

На **2-й** и **3-й страницах** обложки фоторепортаж В. Волошенко, В. Галактионова, Н. Михайлова, А. Панкратьева **«Над Амуром — солнце»**.

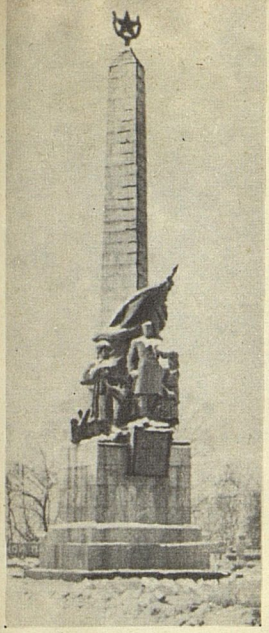
На **4-й странице** обложки изофотомонтаж Г. Ясинского и В. Волошенко **«На земле дальневосточной»**.

Редактор
В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23. Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 29/IV 1968 г. Подписано к печати 21/VI 1968 г. 4 печ. л. М-24175 Заказ № 766. Формат бумаги 70×108 1/16. Цена 10 коп. Тираж 69 400 экз.

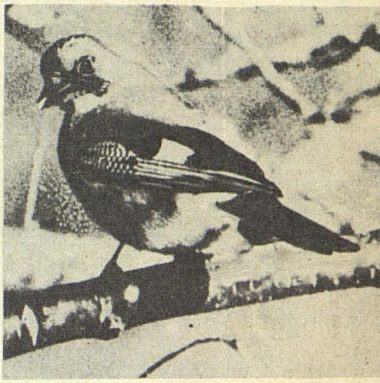
Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57



1

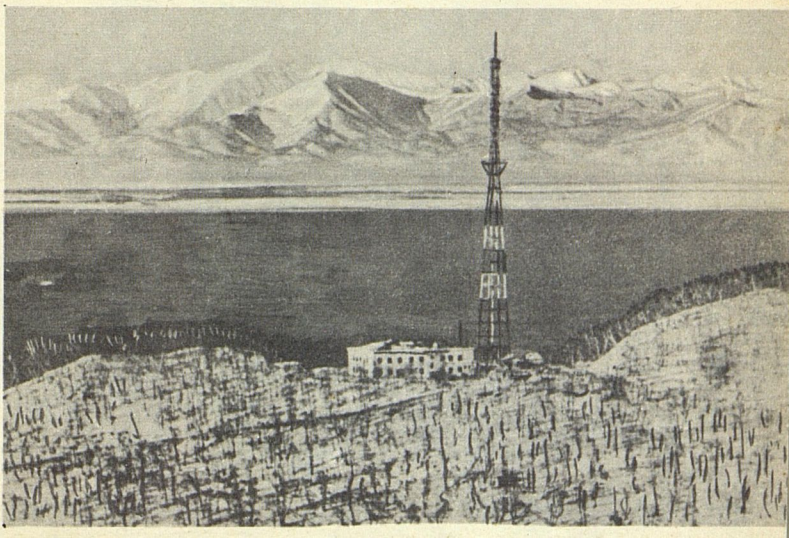
2

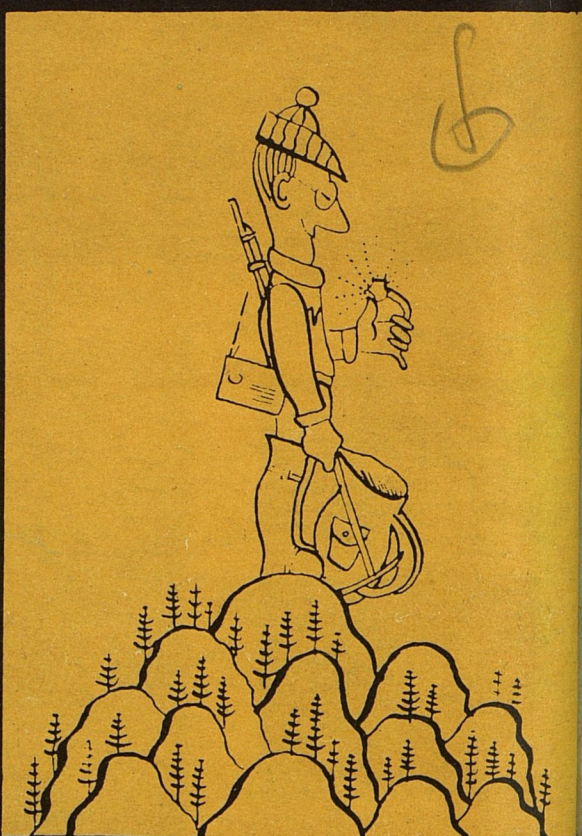
3



4

5



6

Цена 10 коп